

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2011 | январь
интеллектуальный
диалог

ЛИЧНЫЙ АПГРЕЙД: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ВНУТРЕННИЙ РЕСУРС ● стр. 2-16

ФИЛОСОФИЯ — САМАЯ ВАЖНАЯ НАУКА

Вячеслав Кудашов: ● стр. 3

«Те, кто дальше идёт в науке, достигая глубин, видят, что в основе — человек. Настоящими философами были Бор, Эйнштейн, Вернадский. Картина мира без антропного принципа невозможна. Представители естественных наук к этому пришли. Представители технических наук к этому придут».

ВРАЧИ И ЕГО МИССИЯ

Владимир Брюханов: ● стр. 9

«Однажды сто человек в очереди было. У нас всегда много пациентов — работает сарафанное радио. Зять ведёт тещу, теща — соседку, соседка ещё кого-нибудь. И в нашем случае реклама не права: бесплатное вовсе не значит плохое».

КОРНЕВОЕ ЗНАНИЕ

Светлана Калинина: ● стр. 11

«Фольклор не рассчитан на зрителей и артистов — он подразумевает соучастников. Как исполнялись песни? Были запевалы, за ними подхватывали все присутствующие».

НАДО РАСШЕВЕЛИВАТЬ

Владимир Ходырев: ● стр. 12

«Россия подписала Конвенцию о правах инвалидов, там нет деления на трудоспособных или нетрудоспособных. А у нас инвалиды 3-й группы работу не найдут! Что тогда говорить о 1-й группе?».

«У меня у самого ещё куча вопросов и противоречий, которые предстоит решить. И главный вопрос, до которого я пока ещё не дорос, а он мучит меня уже лет десять: это как раз — как жить? Спасая себя или спасая мир? Как можно прощать врагов своих? И как отличить врагов твоих от врагов Божиих? А ответ один: эти противоречия только в тебе, а у Бога нет противоречий. Значит, ещё идти и идти... Бежать от своего незнания...».

Переписка редактора СФ
с писателем Михаилом Тарковским

● стр. 8

Рейтинг наших предпочтений

О том, как трудно стало жить, в наше время говорит даже ленивый. Но разве когда-то времена были легче? Человек всегда живёт сложно, и думающий решает гораздо больше проблем, чем счастливый идиот (может, поэтому народной традицией так любим образ Иванушки-дурачка: хорошо ему! Но эта тема отдельная).

С другой стороны — сегодня и правда на редкость проблемное время. Все процессы проходят в условиях высокой степени неопределённости. За спиной — разрушенная страна. В обществе — утрата системы привычных ценностей. В собственных головах — смена мировоззрения почти на противоположную. В повседневности — ломка привычного образа жизни. За темпами этих перемен не поспевают даже те, кто их задаёт (помните кэрролловское: «нужно очень быстро бежать, чтобы хотя бы оставаться на месте»). И куда нас тащит тотальный поток — никто не знает.

Вот в такие моменты мы и вспоминаем, что главный ресурс — внутри человека. Что выбирает личность? Как «меняет кожу»? Где находит силы преодолевать препятствия, не сгибаться или перерождаться? У сегодняшних собеседников мы не стремились получить конкретные ответы на специальные вопросы, скорее — увидеть содержание и стиль их жизни.

Данные же различных социологических исследований помогут нам что-то понять про тот «рассол», в котором каждый из нас живёт и прокладывает свою индивидуальную траекторию.

Консервация противоречий

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН каждые четыре года (в 1990, 1994, 1998, 2002 и 2006 годах) проводит всероссийский социологический мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня». Основной вывод исследования — в обществе происходит стабилизация не только позитивных изменений, но и достаточно сильных противоречий и социальных контрастов. Инициатор исследования, член-корреспондент РАН Николай ЛАПИН отмечает, что обществу на современном этапе недостаёт динамизма. Социальная стагнация, может быть, и даёт обществу возможность передохнуть, но чревата замедлением темпов развития страны. Возможности для расширения социально успешных, адаптированных к рыночным условиям и оптимистичных слоёв населения уже практически исчерпаны.

Отсюда — противоречивое социальное самочувствие россиян. С одной стороны, количество оптимистов, ожидающих дальнейшего улучшения своей жизни, примерно в два раза превышает количество пессимистов. Однако повышение удовлетворённости собственной жизнью сопровождается сохранением чувства незащищённости от преступности, бедности, экологических угроз, злоупотреблений со стороны чиновников, произвола правоохранительных органов и др., а также снижением самостоятельности слабых социальных групп в решении своих проблем: они вновь ощущают растущую зависимость от действий властей, особенно федеральных (этот факт впервые был выявлен в 2006 году). Неожиданным в опросе 2006 года оказалось и резкое снижение интенсивности общения наших граждан. На первом месте для россиян стоит общение с близкими и друзьями, затем возрастная и этническая близость. Коэффициент интенсивности этой близости в городах — лишь 2,2. Это означает, что из трёх горожан двое чувствуют близость с другими жителями своего города, а третий — нет, за пределами своей семьи он одинок или даже лишний в своём территориальном сообществе. Особенно это ощущают специалисты-профессионалы и технический персонал.

Страна соседов

В 2007 году Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) провёл исследование «Свободное время — навязанное пространство жизни?». Выяснилось, что для большей части населения время — ресурс не особенно дефицитный. На вопрос «Чего больше не хватает — денег или свободного времени?» 50% ответили — денег. 11% заявили о катастрофической нехватке времени. Ни времени, ни денег не хватает 27%, и лишь десяти процентам наших сограждан хватает всего.

В минуты отдыха россияне предпочитают смотреть телевизор (28%), читать (14%), проводить время с семьёй (14%), гулять (12%), ездить на дачу или в деревню (12%), отдыхать дома, лежать на диване, спать (11%), отдыхать на природе, охотиться, рыбачить (10%). Если бы свободного времени было больше, то, по данным ФОМ, лишь 1% опрошенных посвятили бы его своему образованию и разви-

тию, 7% предпочли бы уехать в путешествие, 3% — занялись бы собой, своим здоровьем и спортом, остальные — потратили бы его в соответствии со списком, указанным выше. Таким образом, лишь один человек из ста в свободное время займётся собственным развитием.

По исследованию Социологического центра Российской академии государственной службы, большая часть населения проводит свой досуг дома (83%). Иными видами времяпровождения стали: «хожу в гости к знакомым» (38,6), «провожу досуг на даче» (28,3%), «провожу время в учреждениях культуры» (17,3%). Самым распространённым типом проведения досуга стал просмотр телепередач и видеофильмов (61,1%); чтение (49,6%); проведение свободного времени с друзьями (31,6%); за компьютером (13%), посещение кино (13%). Никогда не посещают: кинотеатры — 53,6% опрошенных; театры — 52,4%, концерты — 63,3%, музеи — 62%, выставки — 69,8%.

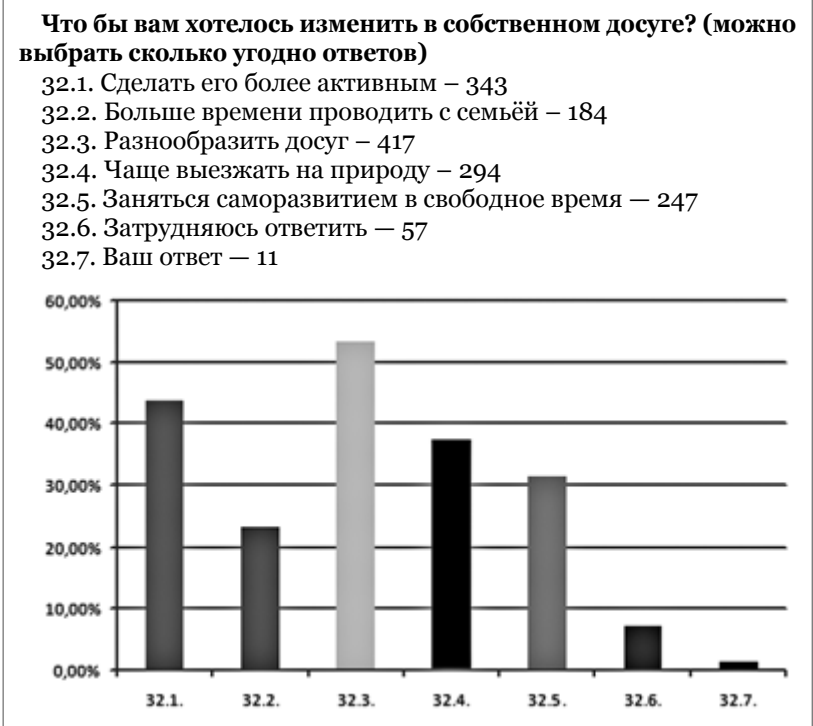
Базовые ценности

По данным Центра исследований гражданского общества и Высшей школы экономики (2010 г.), уровень безразличия россиян к общественно-социальной жизни страны как до кризиса, так и сейчас остаётся одним из самых высоких в мире.

Если ответственность за семью в полной мере готовы нести 68% граждан, то за ситуацию в населённом пункте считают себя ответственными только 7%, в стране в целом — 5%.

Исследователи отмечают также низкий уровень информированности и доверия граждан к некоммерческим организациям. Как правило, россияне знают о существовании политических партий, профсоюзов, обществ защиты прав потреби-

телей, ветеранских объединений и обществ инвалидов, но при этом принимать участие в их деятельности отнюдь не спешат. Наименьшей популярностью пользуются движения национально-патриотического толка, этнические общины и национальные диаспоры.

С другой стороны, по данным Института комплексных социальных исследований РАН, пассивность россиян — это миф. Активный тип мировосприятия обнаружен у 32% населения, пассивный — у 29%, остальные же 39% можно отнести к смешанному типу. Важно отметить, что респонденты, отнесённые к пассивной группе, наиболее значимым считают сохранение существующего порядка вещей (покой, мир, родина), социальную гармонию (справедливость, законность, равенство) и ценности морального ряда (милосердие, внимание к людям, порядочность). То есть то, чем всегда ценилась Россия и русские люди. В деле воспитания детей они отдают приоритет хорошему образованию (68%) и привитию честности и доброты (45,8%). Те же ценности на первые места поставили респонденты с активным типом мировосприятия.

Несмотря на то, что по целому ряду параметров россияне не вписываются в модель «современного (западного)» человека, не обладая многими необходимыми для этого характеристиками (прежде всего рациональностью, высоким уровнем политического участия, а главное — ориентацией на успех), тем не менее, как подчёркивает доктор социологических наук Наталья ТИХОНОВА, в их системе ценностей есть тот двигатель, который при правильном его понимании и использовании способен придать динамичность развитию страны, так как он носит внутренний, а не внешний, по отношению к деятельности людей, характер.

Плечо друга

В 2010-м году исследование культурно-досуговых предпочтений и культурных потребностей жителей Красноярского края провёл Гуманитарный институт Сибирского федерального университета. Отдельно исследовались жители столицы края и сельских районов, люди трудоспособного возраста и пожилые, люди с ограниченными возможностями. Приведём данные опроса 780 жителей города Красноярска — из них люди в возрасте от 19 до 25 составили 49%, от 26 до 39 лет — 16%; при этом студенты вузов — 37%, среднеспециальных заведений — 17%, специалисты с высшим образованием — 27% и др.

Наибольшее предпочтение в досуге жителями регионального центра отдаётся встречам с друзьями и знакомыми (44%), а также посещению интересных мест, которые могут открыть для них что-то новое (33%). Впрочем, приоритет проведения свободного времени отдаётся не месту и не мероприятию, а именно компании: горожане пытаются найти комфорт и отдых в своём близком окружении.

Достаточно часто респонденты посещают торгово-развлекательные центры (60%), кино (42%), бары и кафе (45%), устраивают пикники на природе (45%). Менее предпочтительными выступают посещения театров и концертов (19%), музеев и художественных галерей (23%), дискотек, ночных клубов (18%), библиотек (15%). Не популярны

что досуг можно проводить с практической пользой.

68% респондентов имеют любимое занятие (хобби), посвящая ему умеренно сил, времени и денег, 18% — посвящают хобби много времени, сил и денег, делая его формой своего существования.

Из ответа на вопрос «Как часто респонденты посещают культурно-досуговые места города Красноярска» можно сделать вывод о достаточно малом количестве таких моментов: театр посещают 1-3 раза в год 37% жителей города, 23% ходят на спектакли раз в год. Музыкальные концерты значительная часть красноярцев (33%) вообще не посещает, от 1 до 3 раз в год ходят 25-27% респондентов, 1-2 раза в неделю слушают концерты 3% жителей.

Библиотеку вообще не посещают 35% жителей, 1 раз в месяц туда приходят 19% респондентов, 16% посещают её 1-3 раза в год.

Интернет-кафе в городе не пользуются популярностью — 80% горожан не нуждаются в этой услуге. Лишь 5% посещают их по мере необходимости, например, чтобы отправить срочное письмо, не имея под рукой компьютера.

Спортивные потребности слабо проявлены у горожан. Спортивные залы посещают 14% населения, 45% об этом даже не думают, предпочитая менее интенсивный отдых. При этом на вопрос, чего не хватает в городе для организации досуга, оказалось, что больше всего не хватает спортивных залов (20,1%), ледовых катков «круглый год» (12,3), спортивных площадок (7,5) и др. в том же духе (бассейн люди хотели бы видеть в каждом районе).

Большой популярностью пользуются многочисленные кофейни и пиццерии города, где можно встретиться с друзьями, не потратив значительной суммы денег: 1 раз в месяц их посещают 22% горожан, 21% делает это 2-3 раза в месяц, 12% — регулярно.

Со статистикой работал Кирилл АРСЕНЬЕВ

А напоследок посмотрите: совпадает ли ваш личный список досуговых дефицитов в Красноярске — с нижеприведённым.

Чего не хватает в городе и края для хорошей организации вашего досуга? Кроме пунктов «боулинга», «развлекательных центров», «клубов» и пр. респондентам было предложено самим назвать «объекты». Вот какие ответы были получены: «хорошего сервиса; клубов для выступлений музыкальных коллективов; аквапарков; в моей деревне ничего нет; мероприятий по типу «Музейная ночь», «Биеннале»; бассейнов; народной обсерватории, планетария, астрономических клубов; в Красноярске ущербные заведения и дикие люди, в кафе лишний раз прийти страшно; парка культуры со свободным входом; концертов рок-групп; хорошей и недорогой репетиционной точки и клуба для джазовой музыки; места, где зимой можно гулять, как летом на улице, чтобы тепло и лавочки и не тратить деньги; цена билета на каток «кусается»; крытого ледового комплекса; бесплатных баз; искусственных и ровных футбольных полей; взрослых культурно-досуговых центров; ботанического сада; работы для студентов». *(Из исследования Гуманитарного института СФУ)*

О смысле жизни не задумывается только овощ

Философский принцип «Жизнь богаче» (чем любые рассуждения о ней) Вячеслав Иванович КУДАШОВ почерпнул не в книжках, а услышал от своего застольного приятеля. Вообще доктор философских наук, профессор Кудашов как-то не совпал с тем образом философа, который у меня имелся (раздумчиво подбирающий слова, медлительный, слегка не от мира сего). Мой собеседник — прямая противоположность этому: говорит скороговоркой, выглядит цивилинно, гражданская позиция — активная. И я хочу узнать у него всё о современных представлениях философии применительно к человеку.

— Вы ведь захватили советское время, из которого все мы вышли и на которое оглядываемся? Есть ощущение, что советский человек и современный несколько иначе целеустремлены. Многие находят себя в немислимых раньше практиках — йога, боулинг, путешествия или какая-нибудь мозаика из песка, т.е. у нас стало больше возможностей, и мы этим воспользовались. Значит ли это, что вопросы самореализации сегодня более важны?

— Вы употребили слово «практики», хотя для советского человека времён «марксистско-ленинской философии» такого употребления не было. Была универсальная «практика» как критерий истины. Понятие «практики» появилось в западной социологии в конце 80-х — начале 90 годов и сегодня уже стало расхожим: проводят конференции по социальным, религиозным, коммуникативным практикам... Слово мне нравится, но смысл его заболтали. Если отвечать на конкретный вопрос — возможность не стало больше. Мне уже за сорок, есть много знакомых ещё старше по возрасту, и у всех, особенно если они не гуманитарии, а технари, работники крупных предприятий, — была очень активная жизнь. Склады по рекам, альпинистские секции, спелеология. В условиях заформализованности тогдашней жизни в трудовых коллективах люди находили массу отдушин. Огромное значение имела и некоммунализированность подхода к этим практикам. Они были авантюры и захватывающи. Полуподпольно мы занимались йогой или каратэ, книжки переписывали, на квартирах собирались и что-то обсуждали.

Сейчас, мне кажется, возможностей даже меньше, поскольку человек тотально поглощён не только по времени, но и по сознанию. Ценности, которые сейчас вдалбливаются молодым, не дают выйти за рамки этой тотальности. Люди ходят на курсы повышения своей коммуникативной компетенции, чтобы достичь успеха и больше зарабатывать. Здоровье поддерживают — не потому, что нравится общение друг с другом или природой, а потому что это форма капитала. И так далее. Это не самореализация, а вкладывание денег, чтобы себя выгоднее продать.

Кажется, что люди более свободны, а на самом деле я не наблюдаю такого. Сами мы, когда были студентами, чего только ни делали. Ценили людей, которые где-то побывали или прочли какую-то книгу, устраивали с ними встречи, причём слушатели туда приглашались по спискам. Про ГУРДЖИЕВА нам рассказывали, КАСТАНЕ-ДОЙ мы увлекались. Сейчас всё это лежит на полках — и кто это читает? Кому нужен Кастанеда? Нужны психологические тренинги, корпоративные семинары — за хорошие деньги.

— Согласны вы с оценкой, что растёт уровень несчастливости, недовольства собственной и окружающей жизнью? И почему это происходит — потому что мы живём в неустроенной стране с низким качеством жизни, или всё-таки из-за того, что мы невежественны в отношении своего внутренне-

го мира, не умеем «работать» с собой?

— Страна никогда не будет идеальной, кто-то всегда будет недоволен, так же как сейчас есть достаточно людей, вполне удовлетворённых своим материальным состоянием. Тем не менее и они внутри чувствуют дискомфорт. Я общаюсь с бизнесменами, и они даже удивляются, что есть философы, которые обсуждают вещи, не приносящие доход: «Вот только с тобой по душам и поговоришь». На работе и после работы у них разговоры одни и те же: об инвестициях, о прибылях, о конкурентах. Поглощённость этими заботами не даёт реализоваться личности во всей полноте. И люди устают. В обществе охлократии что внизу, что наверху — чернь. И древнеримские философы писали, что у императоров такие же низменные интересы, как у рабов.

Причины недовольства — и во внутреннем состоянии, и в организации системы, которая высасывает. Сейчас многие отечественные деятели культуры говорят, что нынешняя атмосфера, по сравнению с 90-ми годами, когда было опущение новых веяний, — душная, как при Николае I. Учреждения культуры должны зарабатывать, образование — перейти на самоокупаемость, корпорации становятся формой насилия... Думать о культурных проектах, о которых на словах говорят, на самом деле некогда: все проекты упираются в поиск средств на поддержание того, что имеется.

— Захваченность работой, о которой мы говорим, не может считаться формой самореализации?

— Некоторые находят свою нишу. Но их меньшинство. Чаще, особенно у бюджетных и корпоративных труженников, работа не становится любимой — хотя может быть и престижна, и оплачиваема.

— Столбовой дорогой развития человека всегда считался поиск смысла жизни: зачем я живу? чего я хочу? Но сегодня не принято задаваться такими «проклятыми» вопросами. Или всё же каждый человек должен на них ответить?

— Почему же сразу проклятые? Надо добрее быть к ним. Давайте назовём — вечные. Тут двойственный ответ. В принципе каждый нормальный человек этот путь проходит. По антропологической своей сущности.

Для кого-то рано это наступает. Вот мой отец погиб, когда мне было 16 лет, и я рано к этому пришёл, начал думать о смысле жизни, о смерти, о будущем, много читать. А перед кем-то эти вопросы встают значительно позднее. Тема смысла жизни в курсе философии — учебная, и когда даёшь её студентам, они развлекаются. А вот когда я в аспирантуре медуниверситета её читала врачам, уже заведующим поликлиниками, или в институте МВД — офицерам в званиях не меньше майора, то они мне признаются: раньше мы философию не понимали, а сейчас дошло: это ж самая важная наука. По идее до каждого доходит, но лучше, чтоб раньше.

— В этом смысле полны страдания, испытания?

— Благословенны трудности, ими же прирастаем. Люди стараются этого избежать, и это понятно. Но без этого роста не будет.

— А как с этой точки зрения к воспитанию своих детей подходить — не будешь же им страдания организовывать...

— Нужно давать им инструменты и методы самостоятельного развития. Опекадь категорически не надо. У меня два сына. Старшему 15, он в СФУ, скорее всего, будет поступать. И я не собираюсь его за ручку вести, мне, наоборот, интересно — как он первую трудность в жизни преодолевает. Когда человек что-то сам достигает — он и ценит это выше. А большинство студентов, которым родители помогают, платят деньги — потом не учатся. Считают, что преподаватель им чем-то обязан. Для них и ценности образования нет, так — необходимый этап.

Вторая трудность — поиск спутника жизни. Тоже серьёзная проблема. Кто за тебя её будет решать? Конечно, сейчас у многих есть возможности обеспечить своим отпрыскам безбедное будущее. Но многие, даже достаточно имущие люди,

дают своим детям действовать самостоятельно, чтобы набить себе шишки...

— Такой подход есть на Западе. Мне всегда это казалось чёрствостью — когда после школы детей «отделяют» и говорят: дальше уже твои проблемы.

— Во многом это определяется протестантской культурой, где считается, если утрированно, что когда у человека успешно идут дела, значит, его Бог любит. Мы считаем их чёрствыми, а с их точки зрения мы воспитываем инфантилизм.

— В гуманитарной науке одной из обсуждаемых была тема роли личности в истории. А сегодня, как кажется, мир в значительной степени зависит от рядовых людей — когда они проявляют гражданскую активность, борются за экологию, например, уменьшают риск технократических катастроф, пытаются влиять на развитие общества. Или мы по-прежнему «винтики»?

— Происходит некоторое смещение этого дискурса. Раньше из-за поляризации общества были исторические личности, которые вершили массы. Но роль личности всё же снижается, нивелируется, потому что от личности мало что зависит в мире структур, корпораций, сетей. Одновременно повышается уровень образования, и среднестатистический горожанин всё же более культурен, чем крестьянин 19 века. Поэтому, с одной стороны, формируется массовый человек, без особых интересов, которым легко манипулировать, и этим пользуются и СМИ, и корпорации, и государство. А с другой стороны, постепенно повышается самосознание людей.

И давно пора говорить о гражданском обществе, о реальных действиях, о социальных практиках. Таких людей немало, но пока они не составляют критической массы, чтобы общество в целом почувствовало себя демосом, а не толпой. Всё ещё остаются эти причитания: мы — и власть. Причём здесь власть? К тому же поддержка государства — это мягкое, но всё же давление административных структур. Чем дальше мы будем уходить от такого положения, тем лучше.

— А в обществе не чувствуется потребности в сильной власти, в новом Сталине?

— Есть потребность не в Сталине, а в большей определённости. Правила игры должны быть прописаны. Для тех же бизнесменов — нужна внятная государственная политика. Потому что когда одного в тюрьму сажают, а другого благодетельствуют — как на этом поле играть?

В гражданском обществе все заинтересованы. Россия вообще страна не вертикалей, а... кланов. Выпускники вузов друг друга поддерживают, семьи друг с другом дружат. Приходит человек — тянет за собой команду. Клань, конечно, явление восточное, но у нас оно выливается в некую корпоративность: свердловские, кремлёвские, питерские, кубанские...

— В этом что-то криминальное звучит.

— А по механизму действия одно и то же. Дело не в личности, а в команде и правилах игры. Команды выходят на уровень медиаторов между отдельными личностями.

— Поговорим об объёме гуманитарных знаний; сейчас он сокращается, и гуманитарии жалуются. А есть ли им что предъявить — чтобы это было актуально, современно, не так тухло, как мы порой видим...

— От тухлых надо избавляться или потихонечку отправлять на заслуженный отдых. Но это естественный процесс. Думаю, надо просто усиливать конкуренцию. Есть прекрасные лекторы, молодые, заинтересованные. Способные получать гранты, работать сверхурочно. Что касается значения гуманитарного знания — вся история науки XX века привела к одной простой мысли: в основе любой человеческой деятельности лежит представление о человеке. И специалисты-гуманитарии об этом больше знают. Но поскольку все мы люди, то все и считаем себя специалистами по человеку. Только это обыденный уровень. Как советы по лечению: попей вот этой травки. В какой-то степени обыденные взгляды базируются на здоровом смысле, традиции, естественных установках. Но все естественные установки имеют исторические изменяющиеся философские основания. Те, кто дальше идёт в науке (кибернетика, информатика, нанотехнологии), достигая глубин, видят, что в основе — человек. Настоящими философами были БОР, ЭЙНШТЕЙН, ВЕРНАДСКИЙ. Картина мира без антропного принципа невозможна. Без него космология не складывается. Представители естественных наук к этому пришли. Представители технических наук к этому придут.

Философские вопросы только кажутся отвлечёнными. А на самом деле здесь первосущности, которых мы не видим, как и атмосферу, например; но мы же дышим этим.

Какой смысл мы изберём, так и будем изобретения делать, в школах преподавать, бизнес вести. Если смысл — комфортное существование, будем нефть продавать, пока она не кончится. А если — спасение души... Повседневная жизнь заслоняет эти базовые проблемы, но они всё определяют.

— У вас есть своя типология людей?

— На интуитивном уровне есть, наверное, но по большому счёту все типологии (экстраверты — интроверты, холерики-сангвиники и пр.) настолько относительны... Я себя тестировал по темпераментам — почти ровный четырёхугольник получился. Лично мне всегда интересны люди активные. Когда у человека есть желание что-то познать, сделать — дальше всё прилагается, даже если личной энергии не хватает. А если человек ленив и нелюбопытен, возникает горечь за таких людей.

— До России мировая философия проблематика по-прежнему доходит с большим опозданием? Кто сегодня владеет умами?

ДОСЬЕ

Закончил Красноярский педагогический институт, исторический факультет. Участник международных и модератор российских философских конгрессов. Организатор и председатель философского общества в Красноярске. Любит научную дискуссию, общение — и при этом специально выкраивает дни для одиночества, для возможности побыть наедине с книгой дома, а в идеале — с книгой на природе (на Столбах, например). Любимый период отечественной истории — первая треть и последнее десятилетие 19-го века («Такой оптимизм был, надежды на будущее России»). Предпочитаемый литературный жанр — научная фантастика (гениальный проводец Станислав Лем, Стругацкие). Сторонник натуральных радостей и жизни в простоте: купаться круглый год в Енисее, есть естественную пищу, гулять по таёжным тропам. Рецепт работоспособности — продуманная организация, соблюдение жизненных ритмов.

— По-прежнему с опозданием. Потому что в своём отечестве нет пророка. То, что у нас рождается оригинального, — не приветствуется. Только когда наши уезжают, как Питирим СОРОКИН, — тогда их учение сюда возвращается, но мы уже оказываемся вторичны. Пока ГАМОВ не эмигрировал — кто его признавал? А он идею Большого взрыва высказал.

Или Михаил Наумович ЭПШТЕЙН; он ленинградский филолог, сейчас работает в университете Эмори в США. Я на Бостонском конгрессе с ним познакомился, и тексты его мне нравятся, они продуктивны. Он эксплуатирует близкую мне метафору компьютерных сетей. Раньше с чем мы сравнивали человека? С животными, богами, ангелами, чертями... Сейчас сравниваем с компьютерами. Человеку всегда надо какое-то зеркало. Как говорил МАРКС: человек Пётр познаёт себя, глядя в человека Павла. А теперь нам мало смотреть в другого человека. Людям такие формы понятны, и массовая культура их эксплуатирует: матрица, киборги. Хотя если в другой философии покопаться, Голливудом не популяризированной, то можно найти другие метафоры.

— Существуют разные техники совершенствования человека (будем говорить не о физиологических, а о духовных). Вы какие пробовали?

— Я прошёл через увлечение восточными религиями и практиками единоборств, у меня вышла в Москве книжка «Психофизическая саморегуляция в воинских искусствах»; многое, о чём там говорится, я на себе пробовал, и это много мне дало. В частности, я стал более концентрированный, сдержанный, организованный, научился расслабляться посреди суеты, со стороны на себя смотреть. Все, кто занимался восточными единоборствами, — это уже люди без суеты.

Валентина ЧЕЛАЗНОВА

Человек эпохи перемен

Вы знаете, что такое «brilliant mind»? Блестящий ум, верно. Чаще всего этим даром обладают учёные, деятели искусства, дипломаты и некоторые политики. Такого рода ум свойствен людям, которые живы не только физически, но и душевно: им неизменно интересно приобретать знания о мире, совершенствоваться в профессии, путешествовать, открывая для себя новые культуры. Они наделены оптимизмом и здоровой самоиронией, даже, кажется, обладают неким «внутренним свечением», потому что скука избегает их, змеясь прочь.

Встреча с профессором Карлом ИГАНОМ — не просто шанс пообщаться с квалифицированным в своём деле специалистом, профессионалом, представляющим образовательную систему США. Он — учёный, бизнесмен, общественный деятель, визит-профессор, читающий лекции в зарубежных университетах. И эрудированный человек, с одинаковой лёгкостью говорящий о проблемах вузов и большой политики, о глобализации и американизации мира, о великой голливудской иллюзии, повелевающей современными умами, о музыке, которую «ловят» на FM-волнах. И, если разговор зашёл о музыке...

Этюд № 1. Гулливер из Штата Северной Звезды

Мистер Иган приезжает в Красноярск пятый раз. И снова — в начале зимы. Кажется, ему, в отличие от многих иностранцев, действительно нравится здешний «белый сезон»: холодно и снежно, очень напоминает Миннесоту — Штат Северной Звезды, как прозвали её на родине. Этнические корни Карла Игана — в Германии. Всю свою сознательную жизнь он прожил в США. Официальный сайт Университета Манката с гордостью информирует: «В своих путешествиях он добирался до таких далёких стран, как Китай и Россия, чтобы поделиться опытом в управлении строительством».

К.М. Иган — почётный выпускник Университета Миннесоты (2008 г.), человек мобильный даже по американским меркам. Что характерно — Сибирь воспринимает как особое пространство. Научные статьи, выпущенные в 2006 году, обозначены в личной библиографии как «опубликованные в Красноярске, Сибирь».

Этюд №2. О супермаркетах и самураях

Отвечая на вопрос об особенностях двухступенчатой системы высшего образования и её преимуществах в сравнении с советской системой, профессор проводит небольшой экскурс в историю: в США схема бакалавриат — магистратура является исконной, оправданной политически, экономически, культурно. Не существует чёткого определения самого понятия «высшее учебное заведение». В принципе, любое учебное заведение, осуществляющее дальнейшую подготовку после окончания средней школы (так называемые «postsecondary school»), может с равной степенью вероятности называться «колледжем», «институтом» или «университетом».

Наиболее привлекательная черта американской вузовской подготовки — корреляция образовательного процесса с социально-экономической ситуацией в стране. «Жизнь постоянно меняется, — констатирует мистер Иган, — значит, естественным образом должно меняться содержание образования».

Учебный процесс в Штатах векторно нацелен на трудоустройство выпускника, практическую востребованность его знаний в определённой отрасли. В случае инженерного образования, например, вузы заинтересованы в тесном сотрудничестве с различными корпорациями — государственными и частными бизнес-структурами: это обес-

ДОСЬЕ

Карл Майкл ИГАН, профессор, доктор педагогических наук, магистр искусств, президент компании «Международные консультационные услуги в области строительства» (США).

В 1969 г. окончил Государственный университет Миннесоты (г. Манката), сотрудничал с родным вузом более 30 лет; в 1996 — 2004 гг. возглавлял Отделение дизайна интерьера и управления строительством.

Сфера научных интересов: мониторинг сооружений; введение в проектирование и строительный менеджмент; методы конструирования; управление строительным оборудованием; оценка стоимости строительства и проведение торгов и др.

В разные периоды деятельности состоял в 16 профессиональных организациях. В настоящее время является членом Ассоциации Фулбрайт, предоставляющей гранты как американским, так и зарубежным (в том числе российским) учёным и исследователям; состоит в организации People to People International, развивающей международное сотрудничество через образовательные, культурные и гуманитарные мероприятия. Представляет в США российские объединения: Международную академию инвестиций и экономики строительства (МАИЭС), Международную ассоциацию автомобильного и дорожного образования (МААДО).

Карл Иган удостоен звания почётного гражданина города Манката (2008 г.), наградой отмечены заслуги профессора в развитии научного сотрудничества США и России в сфере экономики строительства (МАИЭС, Москва, 2001). Активно сотрудничает в качестве визит-профессора с университетами Китая (Chongqing University) и России (СФУ с 2007 года).

печивает денежные инвестиции (финансирование грантовых программ, обустройство дорогостоящих исследовательских центров и лабораторий).

Представители компаний, специализирующихся на проектировании и строительстве, в свою очередь заинтересованы в получении компетентных сотрудников.

Действует схема «образовательного супермаркета»: будущие работодатели формулируют, какими знаниями и практическими навыками обязаны владеть их потенциальные работники, и эти требования буквально образом влияют на «содержимое» учебных программ дисциплин. Бакалавры и магистры осваивают блоки гуманитарных и технических предметов, и при этом обязательно практикуются по специальности: стажировются на предприятиях, осваивая профессиональные навыки с первых же лет обучения, становясь «идеальным продуктом», сделанным «под заказ». Бизнес-партнёры активно пользуются правом инспектировать программы учебных дисциплин, оценивать их эффективность, вносить правки, словом, проводят мониторинг качества образовательных услуг, предоставляемых вузом.

Особое внимание в американской образовательной системе отводится повышению квалификации специалистов: практически каждый из 3 600 вузов США участвует в программе переподготовки кадров, причём упор делается не столько на обеспечение людей новыми знаниями, сколько на стимулирование их познавательной и творческой активности. «Гибкое» (flexible) — ключевая характеристика Карла Игана для обозначения высшего образования в Штатах.

Советская система вузовской подготовки, унаследованная российской высшей школой и действовавшая до последнего времени, видится профессору «not flexible» — лишённой гибкости. Действительно, многие наши соотечественники, получившие великолепное «академическое» образование, с трудом адаптируются к профес-

сиональной деятельности не только за рубежом, но и в родной стране.

«В России принято получать образование «на всю жизнь», система переподготовки слабо развита, а ведь это противоречит духу времени. Получается, ваша действительность меняется стремительно, а вы за ней попросту не успеваете», — рассуждает американец.

Судя по неугасающим спорам вокруг реформирования высшей школы в духе Болонской конвенции, представители российской образовательной элиты продолжают переживать культурный шок, подобный тому, что испытали японцы, утратившие свою вековую изоляцию в 19 веке. Противники соглашения (в числе которых есть и ректоры ведущих столичных вузов) с упорством самураев отстаивают своё «Образовательное Бусидо», противореча очевидности: мир утратил прежние границы. Глобализация и «американизация» российского общества логически привели к переходу на западную модель вузовского образования.

Кажется, поздно бежать в противоположном направлении, разумнее адаптироваться к новым реалиям, если российская высшая школа намерена выпускать действительно конкурентоспособное поколение молодых специалистов.

Этюд № 3. Учить, исследовать, развиваться

Карл Иган много говорит о преподавателях-соотечественниках. Описывает образ американского профессора как единство трёх равноценных составляющих. Первая, конечно, — владение информаци-

ей и умение её преподносить — «teaching», преподавание как таковое.

Вторая — «researching», исследовательская деятельность, мотивированность на систематическую научную работу (поскольку вузы США одновременно являются исследовательскими центрами).

Третья — так называемая «community service», приблизительно соответствующая понятию «общественной работы».

Покоряет то, что последняя составляющая подразумевает высокий уровень личностной культуры преподавателя. «Мы просто не имеем права быть «boring» (скучными), — уточняет мистер Иган. — Не смеем почитать на лаврах и полагать, что студенты будут терпеть нас, независимо от уровня, на котором проходят лекции. Преподаватели должны посещать музеи и театральные постановки, быть в курсе новинок кинопроката. В наших вузах распространена практика экскурсионных поездок со студентами за границу во время каникул. Видите ли, учащиеся имеют полное право прийти в департамент (деканат) и заявить, что их не устраивает профессионализм лектора. Способ избежать этого только один — постоянно расширять собственный кругозор и не останавливаться на достигнутом».

«Я лично не считаю, что можно стать лучшим профессионалом, если мне будут платить больше денег (знаю, что такая точка зрения бытует у некоторых людей). Скорее уж, следует заниматься тем делом, которое нравится. Мне нравится преподавать и работать в сфере строительного менеджмента, поэтому я успешен — деньги приходят ко мне».

Этюд № 4. «We're all living in Amerika» («Мы все живём в Америке»)

Слово «Америка» в этой фразе на английском языке написано по-немецки. Очень соответствует духу повсеместной глобализации, в которой США по-прежнему старается быть «первой скрипкой» и камертоном по совместительству.

Большая часть жизни профессора Игана проходила на фоне реалий «холодной войны». Однако в нём не чувствуется пафоса завоевателя, воплотившего, наконец, мечту западного сообщества.

Верится, что мистера Карла порой разочаровывают последствия американского влияния, и не в последнюю очередь потому, что идёт оно преимущественно через массовую культуру: голливудские блокбастеры, музыку «с неочевидным мессиджем», навязчивые образы «звёзд». Самое тяжёлое, что транслируемая Штатами культура становится даже не второй, а первой для нового поколения школьников и студентов, в том числе и в России.

«Думаю, отчасти это проблема политики, проводимой вашим государством: вы мало репрезентируете себя миру. Скажем, русские фильмы можно увидеть в прокате и свободной продаже только, пожалуй, в Китае и Индии. Там они действительно распространены. Но вы снимаете так мало, рассчитывая, в основном, на внутренний рынок, что, конечно, сложно говорить о весомой альтернативе голливудской продукции», — говорит профессор.

«Что касается иллюзий, создаваемых американским кинобизнесом, этот эффект «я знаю, как вы там живёте» — отдельная тема для разговора. Я встречал ваших соотечественников, которые искренне задавались вопросом, сколько оружия мне необходимо, чтобы выжить в Штатах. Потому что там, якобы, ужасная преступность. Находились те, кто спрашивал о количестве моих машин. О чём вы говорите, — изумлялся я каждый раз, — какое оружие? И машина одна — единственная, не слишком новая, — этого вполне достаточно для меня».

Сейчас, благодаря Всемирной паутине и каналу YouTube, любой пользователь может приобрести к фрагментам советских и российских фильмов, спектаклей, мюзиклов, и очень часто можно обнаружить положительные отзывы на увиденное от зарубежных пользователей. Однако сами россияне не всегда заинтересованы в большей открытости и создании положительного образа своей родины. Увы, все это слишком похоже на обычную лень.

Этюд № 5. Прощание

Мне любопытно знать, какую музыку предпочитает мистер Карл Иган — человек, живущий на Западе, работающий на Востоке и симпатизирующий России. Как и следовало ожидать — «разную». Кантри, потому что это — национальное исконное, поп-музыку, «чтобы быть в курсе», рок, блюз, американскую эстраду 60-70-х.

Я вспоминаю пару песен Роя Орбисона. Профессор общается, что это один из любимых его певцов, и он умер не так уж давно, а «Oh, Pretty Woman» («О, Красотка») продолжают исполнять, потому что хорошие песни переживают своих исполнителей. Затем мы сообщаем припоминаем первые строки «Moon River» («Лунная река») Фрэнка Синатры.

Мне нравятся эти детали, дополняющие образ гостя, и хочется думать, что наши народы не так уж далеки и непоправимо враждебны. Вдруг это всё же возможно — через развитие образовательных и межкультурных связей, к примеру, «следовать за одним и тем же концом радуги, ждущим нас за поворотом»?

Татьяна МОРДВИНОВА

¹ «We're after the same rainbow's end, waiting round the bend», цитата из песни «Moon River» («Лунная река») Фрэнка Синатры.

Позитив веры

Бывает, войдёт человек — и пространство вокруг него словно меняет знак с минуса на плюс. Назвать ли это переизбытком сил, вкусом к жизни, энергией? Александр КИТАРИОГЛО, несомненно, приносит это с собой. В какой-то момент бродящие в Александре Китариогло силы даже грозили перейти в неуправляемость, так что у его матери опускались руки. Но со временем — гармонизировалось. Как ни странно, первоначально помогло «ввести реку в берега»... увлечение Америкой. Так притягательна стала для мальчишки мечта уехать в страну свободы и предприимчивости, что он всерьёз засел за изучение языка и даже ежедневно ездил учиться через весь город в английскую спецшколу.

— А приходилось вам, отец Александр, испытывать потрясения в жизни?

— Такие случаи, думаю, у каждого человека случаются с неизбежностью. Драматизм ситуации в том, хватит ли сил перебороть, перетерпеть это, или человек сломается? В этом смысле верующему проще. У него есть тот источник, о котором он всегда помнит и к которому всегда можно прибегнуть, чтобы найти смысл сложившейся ситуации и конструктивное решение.

— Но ведь проблемы не уходят. На что верующий человек надеется — на чудо или на психотерапевтический эффект?

— Надежды в каждом конкретном случае разные, и одно не исключает другого. Бывает, и ситуация разрешается, или меняется отношение человека, он начинает по-другому воспринимать проблему.

— Что церковь, вера делает с людьми, если не делает их счастливей, не спасает — по крайней мере автоматически, за один факт принадлежности ей?..

— Вопрос счастья и спасения — это вопрос синергии, то есть соработничества, сотрудничества человека с Богом. Церковь — не магический институт, который через определённые манипуляции может гарантировать человеку тот или иной результат. Скажу даже больше — не только простые миряне, которые изредка участвуют в богослужении, но и сами священнослужители, подчас ежедневно стоящие у престола и служащие церковным таинствам, не имеют гарантии спасения. В Священном писании есть слова, когда на Страшный суд пришли люди и говорят Христу: мы же Твоим именем чудеса творили! А Христос им скажет: отойдите от Меня, ибо не знаю вас. Стало быть: знание Бога и знание тебя Богом — самое ценное в религии и в духовной жизни. А всё остальное — участие в таинствах, соблюдение церковного календаря, соблюдение обрядов и традиций — это только средства, которые нам призваны сопутствовать и помогать.

— Почему чаще люди приходят к Богу после потерь и несчастий?

— У человека тогда есть возможность почувствовать свою слабость. Свою зависимость от обстоятельств, от этого мира, почувствовать свою границу. Когда есть вероятность исчезнуть, тогда человек совершенно закономерно ищет опору где-то вовне. Архетипично эта опора ищется в Боге. Не скажу, что мне нравится этот путь к Богу через страдание, который проходит большинство людей. Мне бы хотелось, чтоб было по-другому: чтобы люди приходили к Творцу от радости, от силы, от созерцания разумности и величия окружающего мира и самого человека. Я до сих пор не утратил убеждения, что вера в Бога — удел сильных, умных, смелых и талантливых людей. Но традиционная вера ассоциируется со слабыми и убогими (что тоже понятно — на кого им ещё опереться?). Люди яркие в массе верующих скорее являются исключением. Это не какой-то принцип, а скорее статистика, то, что я вижу из своего опыта. Может, у кого-то другая картина мира...

— ...но только не в наших храмах. Достаточно прийти и пос-

мотреть: старушки, инвалиды, маргиналы...

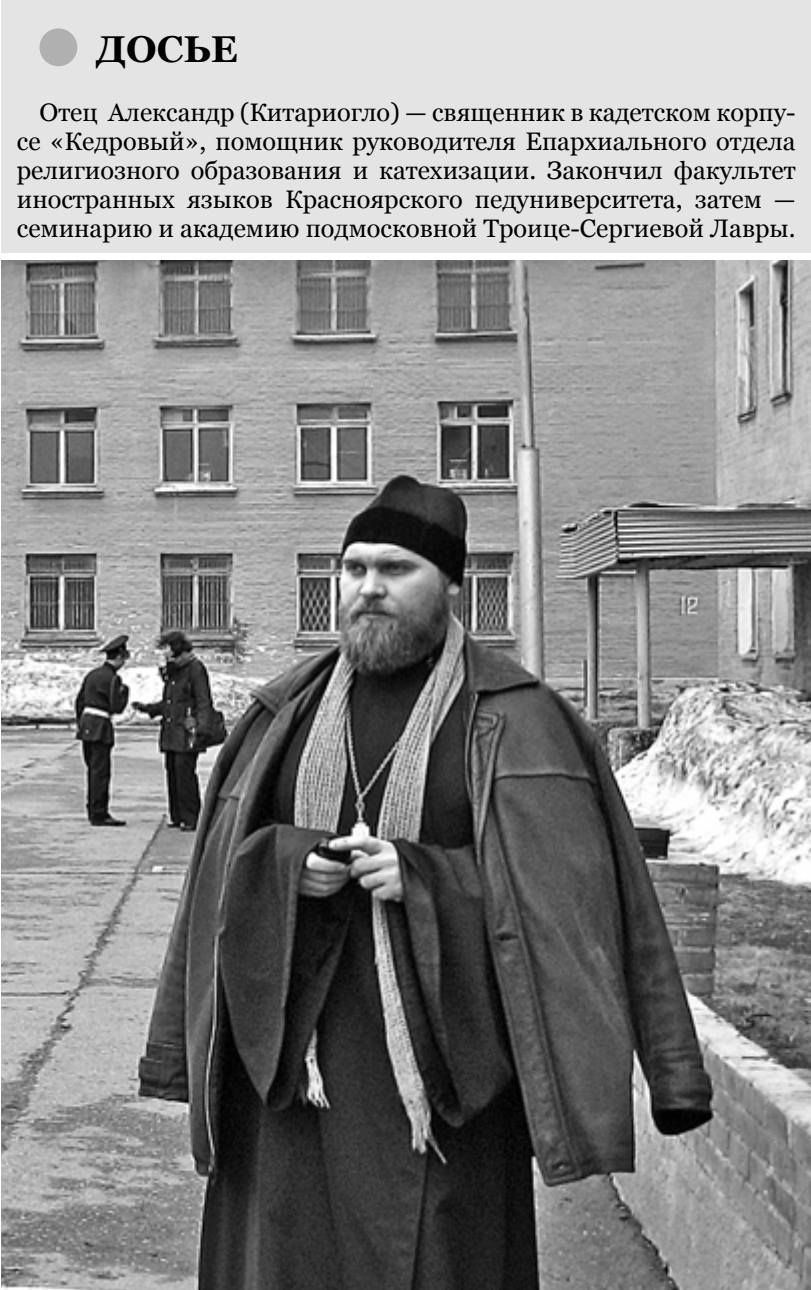
— Это ненормальная ситуация, по крайней мере, хочется её менять. Бог — источник ума, силы, Творец. И закономерно, чтобы ему служили такие же. Сложно представить, например, архангелов — тщедушными и слабыми, неуверенными. Они — олицетворение мощи, преданности и непобедимости. Было бы естественно, если бы и среди людей наблюдалась аналогичная картина. Но земля есть земля, здесь мы переживаем некое ущербное бытие.

— Сейчас много говорят о необходимости «позитивного» мировоззрения. Радостная и жизнеутверждающая ли религия — христианство? Всё время в покаянии и слезах, в пренебрежении к земному и в ориентации на потустороннее... Может, мы неверно поняли Божье предписание? Может, требуется перезагрузка?

— Это скорее внешнее впечатление, пусть и не лишённое основания. Парадоксальным образом верны оба тезиса — и что христианство радостное, и что нерадостное. Само слово «Еван-

— Не инициатива Церкви — сдвинуть круг летоисчисления. Церковь как жила по Юлианскому календарю, так до сих пор и живёт. И праздники свои отмечает согласно с календарём, утверждённым Вселенскими Соборами. Православному человеку в этой ситуации непросто. Этот разрыв, диссонанс, который в частном случае виден на примере празднования Нового года, лишний раз подчёркивает неотмирность христианства. И эта неотмирность должна сохраняться. Пусть секулярное сообщество решает — готово ли оно считаться с Церковью.

Если строго рассуждать, Западный мир уже утрачивает такое понятие, как Рождество. Новый год в большинстве своём люди воспринимают как семейный праздник, каникулы, рождественские распродажи. Очень мало людей помнят, что это день рождения Богочеловека. Смысл праздника выхолащивается: ёлка, подарки, Дед Мороз, Снегурочка, ледяные городки. Христа — нет. А это центральный Персонаж, конституирующий признак праздника. Иначе не стоит называть его Рождеством.

гелие» означает «благая весть», значит — есть место для радости. Радость в том, что пришёл Спаситель, искупил дела рода человеческого, и человек вновь получил шанс обрести счастье, полноту бытия и смысла жизни в единении с Богом. Такая идея не может быть не радостной.

Но нам есть и о чём сожалеть — это наше несовершенство, наша неспособность соответствовать той радости, какую предлагает Бог. Здесь — повод и для мольбы, и для самоукорения, и для воздержания. Они призваны привести в порядок иерархию человеческого естества.

— Но ведь угнетает печаль всё время.

— Поэтому её не должно быть «всё время». Церковный год чередуется, и за Великим постом идёт и Пасха, и Светлая седмица, и Пятидесятница. Мы подчас сами не умеем радоваться. К тому же человек живёт не только церковной жизнью, но и обычной мирской, в том числе и священнослужитель. А в мирской жизни всё чаще встречаются отрицательные моменты: финансовый кризис, безработица, отсутствие внятных перспектив государственного и общественного развития. Это тоже налагает отпечаток.

— Мы только что отпраздновали Новый год. Во всех религиях его встречают за общим столом — чтобы весь год был полон щедрости. А у нас это время выпадает на рождественский пост. Получается отлучение верующих от общего праздника жизни. Понятно, что это исторические перекосы, когда светское разнесли с духовным. Но нам сегодняшним — что делать?

— А как правильно отмечать? Ведь подарки — это здорово.

— Правильнее понимать, что это мы должны что-то подарить Христу, ибо Он родился. Подарки не для нас, раз Его день рождения. И здесь мы оставим простор для читателя — спросить себя: а что бы Бог хотел получить от меня в подарок? И какой подарок разумно и естественно подарить Ему? Такая постановка вопроса будет соответствовать смыслу праздника Рождества.

— Совсем недавно велась дискуссия по поводу введения в школах основ религии. Остановились на том, что родители сами будут выбирать, посещать их детям такие уроки или нет. И большинство родителей выбрали просто «светскую этику». Можете прокомментировать такой результат?

— Исключать духовную составляющую из образования и религию как часть культуры всего человечества, нарабатывшую подавляющее число артефактов мировой сокровищницы искусства, — просто преступно, на мой взгляд.

Далее: не Церковь приходит в школу, как боятся многие атеисты. В школу приходят знания. И они существуют там на вполне законных основаниях. Если мы передаём детям знания об истории мира, человечества, то исключение религии — откровенная дискриминация, предвзятость и научная необъективность. Факт того, что большинство родителей выбрали образовательный модуль светской этики может иметь различные причины: от мировоззренческих до социально-технологических (организация самой проце-

дуры выбора), так что мне пока сложно его комментировать.

Что из себя представляет светская этика? Это объяснение ребёнку, «что такое хорошо и что такое плохо» без ссылки на божественный авторитет. Краеугольным камнем там является утверждение: не делай другому так, как не хочешь, чтоб поступали с тобой. У этой позиции есть определённые слабости, религиозная этика мне кажется более весомой и мировоззренчески целостной.

— Вы работаете в кадетском корпусе, то есть — с молодёжью. Часто ли её волнуют духовные вопросы, и какого рода?

— В кадетском корпусе не столько молодёжь, сколько дети с 5 по 11 класс. Моя пастырская функция там реализуется на принципах добровольности. Если ребёнок проявляет интерес — я всегда готов с ним встретиться, пообщаться, исповедать, причастить. Часто детей, как и многих взрослых, волнует вопрос, почему грешники благодетствуют и процветают, а люди добрые, достойные — страдают, болеют и нуждаются? Здесь только один ответ: «Мои пути — не ваши пути». Мы не можем вынести до конца объективное суждение об условиях жизни человека. Были, и наверняка где-то есть, такие старцы, которые обладали даром прозрения глубин жизни человеческой: почему одному — страдание, а другому — радость, почему одному нужно жениться, а другому нет... Но таких людей всегда было мало, и я таковым не являюсь. Мой пастырский стиль скорее — рассуждать, советовать и подсказывать.

— Многие каноны и даже заповеди христианства сегодня называют устаревшими. Например, кто без причины пропустит воскресное богослужение, да будет отлучён от Церкви (при наших-то скоростях и занятости)... Не пора ли сделать послабление современному человеку?

— Церковь учитывает реалии современной жизни, и уже давно, скажем, за грех аборта женщину не отлучают от причастия на 15 лет. Так называемые послабления, или икономии, Церковь практикует. Здесь должно быть диалектическое единство: необходимо сохранить определённую напряжённость духовной жизни, чтобы человек имел возможность возрастать, ощущать координаты добра и зла. А с другой стороны — чувствовать меру, чтобы человека не измотать и не отвратить. Есть послабления общие для каких-то категорий верующих (воинов, беременных, путешественников). А есть послабления в каждом конкретном случае, когда священник видит, что человеку полезно, а что вредно. В этом смысле Церковь — живой институт, она слышит человека и ведёт его (по крайней мере, так видится в идеале).

— Одним из устаревших и даже мешающих России поднимать экономiku называют принцип «нельзя одновременно служить Богу и мамоне», т.е. выгоде, коммерции. А сегодня совмещать стремление к Богу и к зарабатыванию денег — можно? Или даже — нужно?

— Как сказал святой царь Николай II — богатеют не от захвата чужого добра, а от бережливости, трудолюбия и жизни по заповедям Божьим. Это было произнесено, если я не ошибаюсь, перед всем мировым сообществом на Гаагской международной конференции, таково было экономическое кредо России — мировой сверхдержавы на тот момент. Страна не служила мамоне, наоборот, вера в Бога, религиозность и происходившие из них трудолюбие, честность, умеренность и бережливость позволили людям добиться колоссальных успехов.

Сейчас причина кризисов не в том, что мы «не умеем зарабатывать», а в том, что люди элементарно потеряли совесть в бизнесе. Многие забыли или до сих пор не в курсе, что наряду с извлечением прибыли предприятие решает другие базовые задачи, например, обеспечение общего уровня жизни. Принцип приоритета получаемой прибыли над остальными составляющими бизнеса приводит к потребительскому отношению к людям. Экономические, экологические и культурные кризисы являются не чем иным, как кризисом совести.

— Одним из главных источников существования института Церкви являются пожертвования верующих. Причём библейское предписание категорично — жертвовать следует десятую долю своих доходов. Для кого-то это — серьёзная брешь в бюджете...

— Это необходимое божественное установление. Общество содержит нужные для себя институты, и если к вере в Бога относиться не менее серьёзно чем, например, к здравоохранению, образованию, торговле и энергетике, это должно отражаться и в структуре инвестиций. Принадлежность к Церкви (если она, конечно, не номинальная) обязательно будет видна в том числе и из структуры семейного бюджета. Это касается в первую очередь людей среднего и высшего достатка. Что же до инвалидов, студентов, пенсионеров (живущих только на пособия, пенсии, стипендии) и просто малоимущих, то таковые являются всегдашней заботой Церкви, и скорее она должна им помогать.

— Лет 15-20 назад, когда активно начали восстанавливать храмы, звучало и такое мнение: не на строительство храмов надо силы тратить, а о душах заботиться. Вы сейчас приступаете к строительству храма в Черёмушках. А может, надо не здания возводить, а с людьми работать?

— Храмы — потенция для Церкви реализовать свою функцию; не только совершать богослужение, но и просвещать, организовывать воскресные школы, произносить проповеди, зримое явить людям красоту и силу Православия. В этом смысле храмы существуют с древнейших времён. Если мы откроем Библию, то увидим, что сразу по исходу еврейского народа из Египта ему было велено создать скинию, то есть даже в походных условиях храм был необходим.

Как любая инфраструктура, храм имеет свои численные показатели. Если на стогатсянный микрорайон большого города нет достойного храма — это минус. И это сказывается на психологическом микроклимате людей, которые там проживают, на невозможности для многих из них вести полноценную духовную жизнь.

Я действительно в настоящее время, по благословению епархиального чинователя, веду несколько проектов по организации постройки храмов в Красноярске и его пригороде, причём люди сами обратились с инициативой, чтобы в их районе появился храм. Конечно, главное не стены. Есть правильная поговорка: церковь не в брёвнах, а в рёбрах. И если настоятелю храма удастся наладить работу прихода таким образом, чтобы это был действительно центр духовного просвещения, где люди будут получать облегчение, интеллектуально и нравственно возрастать — тогда храм свою функцию исполнит. Возможен и другой вариант, когда храм превратится в музей. Будет приглушённый свет, запах дешёвого ладана и отсутствие квалифицированной духовной помощи. Очень многое зависит от того, кто является настоятелем каждого конкретного храма. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить тех, кто обратился к Русской Православной Церкви за благословением своего благородного желания возвести храм. Это говорит не только о том, что есть ещё духовно живые и дальновидные люди, но и о том, что Православие как нравственная сила и славная история России — востребованы. И хочется верить, что у этих людей, которые в период кризисов остаются неравнодушными к общему делу и являются христианами не только на словах, — будет лучшее будущее.

— Вы легко ориентируетесь в информационных технологиях, и такие понятия, как «аська», «блютус» и др. — вас не ставят в тупик. Не собираетесь ли вы вести собственный блог?

— Я уже участвовал в двух Интернет-проектах. Один несколько лет назад проводил наш епархиальный медиа-центр «Православное слово Сибири», где я отвечал на вопросы, поступающие по Интернету. Другой проект — ответы на вопросы, поступающие на Красноярский медицинский форум. Завести свой блог? Возможно, пора.

Марина КУЛЕШОВА

Актёр? Аналитик, акробат, альтруист...

Послужному списку известному красноярского актёра Якова АЛЛЕНОВА позавидует любой выпускник театрального вуза: за годы творческой карьеры он успел поработать в различных российских театрах, в том числе в Маяковке у Сергея АРЦИБАШЕВА, и в Драматическом театре у Армена ДЖИГАРХАНИЯ.

Про последнего Алленов вспоминает охотно: например, как однажды мэтр сетовал на то, что актёрская профессия на московских подмостках себя истощивает, и если раньше в театр ходили на актёра, то сейчас — на некое визуальное шоу, где зрителя развлекают набором спецэффектов и говорением текста. Красноярской драме в ближайшем будущем такое не грозит, уверен Яков Олегович, но расстраиваться всё равно не стоит.

Мы беседуем в гримёрке перед спектаклем. Алленов закуривает и я, естественно, сразу же интересуюсь, не примет ли это. Он смеётся — нет, просто он всегда курит. График у него чрезвычайно плотный: позавчера — гангстер Ник Валенти в «Пулях над Бродвеем», вчера — Гектор Хэшибай из «Дома, где разбиваются сердца» Бернарда Шоу, сегодня и завтра — Ричард Уилли, главный герой полюбившегося публике спектакля «Он, она, окно и тело».

— Профессиональный актёр за свою карьеру примеряет на себя столько различных ролей, что это обязательно должно сказываться на его поведении, ведь да? Как вам вообще кажется, помогает ли искусство «проживания» чужих жизней в жизни собственной?

— Не помогает и не мешает. Как и любой другой опыт. То есть чего-то эксклюзивно удивительного в профессии актёра, кажется, нет. Однако она предполагает постоянный психоанализ персонажей, которых приходится играть, и способность к философскому осмыслению бытия, потому что когда ты моделируешь на сцене какую-либо судьбу, всё равно пытаешься представить, как эта личность, эта персона вписывается в придуманный театральный социум. И дальше — как этот социум располагается в определённой исторической и временной прослойке, и каким образом, допустим, ситуация того времени похожа на наше время. Или как ситуация абстрактная проецируется на нашу сегодняшнюю жизнь. В общем, я всегда говорил, что актёрская профессия — это занятие психоанализом плюс персональная рефлексия, плюс рефлексия групповая.

— Получается, это психоанализ с посторонними? Зрители наблюдают, оценивают, примеряют на себя... Важно ли, чтобы у них возникли такие же ощущения и впечатления, как у актёра, который играет эту роль?

— Необязательно такие же, главное, чтобы они возникали в принципе. Театр, как и любое другое искусство, индивидуален для восприятия. Я много раз разговаривал со зрителями о каких-то серьёзных спектаклях, которые предполагают не просто приятное времяпрепровождение, но и интеллектуальную работу. И разные впечатления у разных зрителей от одного и того же спектакля. Каждый видит своё — собственные болевые точки и мировоззренческие линии соприкасаются с теми линиями, которые разрабатывают артисты и режиссёр спектакля. Кто я, для чего я, почему я, что такое мы вообще. Поэтому игра — это немножечко философская работа по осмыслению себя и той жизни, в которой ты живёшь. Профессия актёра, может быть, в большей степени помогает человеку осознать, что он такое, чем, скажем, профессия лаборанта, который в лаборатории пробирки моет. Хотя и там должно быть своё что-то.

— Не секрет, что чем опытнее актёр становится, тем больше над ним довлеет груз сыгранных ролей. Складываются определённые типажи. Вот, скажем, представить вас в роли какого-нибудь старого ворчуна-неудачника практически невозможно...

— Вы хотите узнать, считал бы я такую роль неким вызовом? Безусловно. Это опять же повод для работы ума и тела. Ведь

получается, что актёр ищет в огромной палитре того, из чего состоит человек, необходимые для создания персонажа компоненты, и пытается сделать их больше и значимее. Конечно, это интересно! А что касается типажа «рокового мужчины»... да, была у меня такая категория ролей. Если актёров для какого-то конкретного типа в театре нет, то все роли отдаются тому, кто больше всего для них подходит по фактуре.

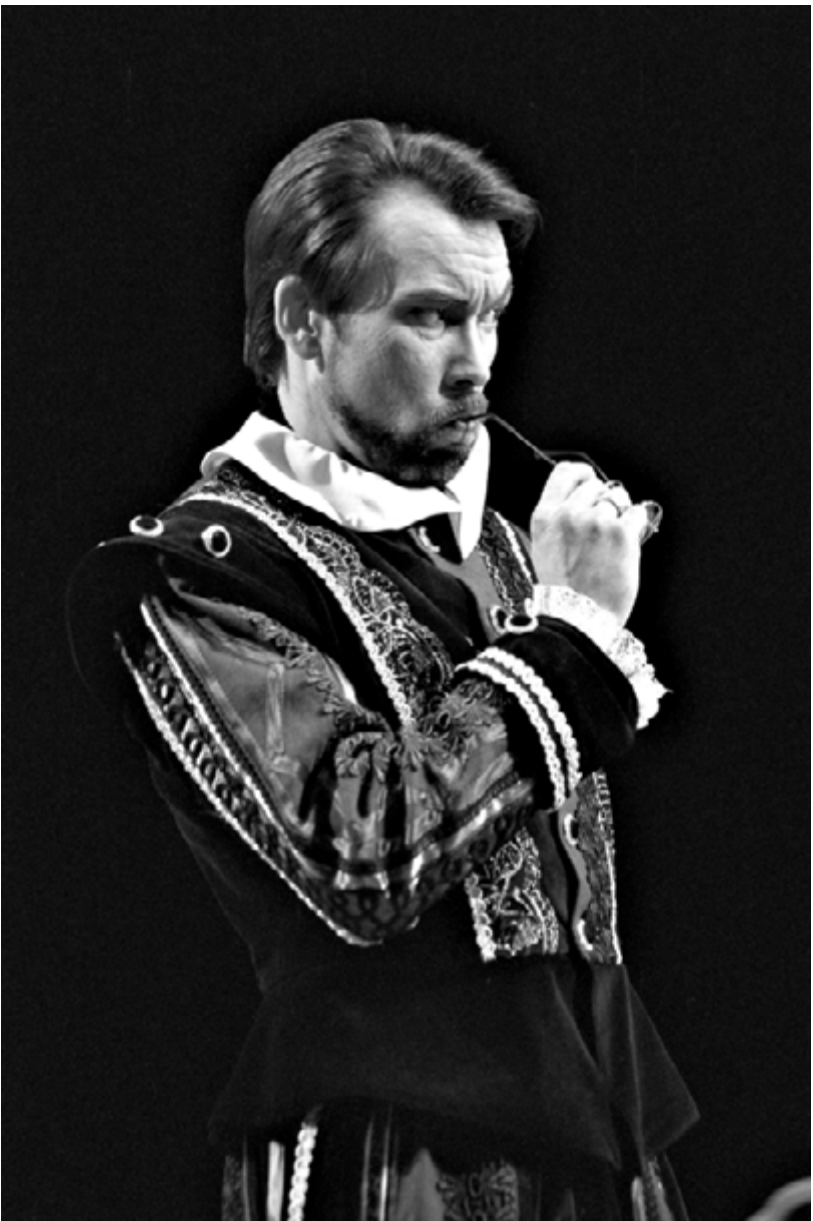
— А были у вас такие роли, которые давались с трудом?

— Да. Одна роль, о которой я до сих пор вспоминаю с некоторой тоской — это мольтеровский Дон Жуан. Пьеса — одна из последних трагических комедий драматурга, и роль эта большая, роль мощная, такая, о какой мечтает любой актёр — как, скажем, роль Гамлета или князя Мышкина. И тут вот такая роль случилась, а я её до конца не раскусил. Она была неплохая, в общем-то, даже приносила мне популярность, особенно среди юных красавиц, но удовлетворение возникло только пару раз за

всё это направление — эксперимент. Однажды я попытался в антрепризе сделать спектакль с ненормативной лексикой по одной из пьес, которая была представлена на каком-то из ДНК. Спектакль был достаточно условный, отыграли его раз три, и я понял, что зрителю это не очень интересно. Конечно, есть такая категория зрителей, которая любит «клюкву» или что-то необычное, любит как-то поучаствовать в театральном процессе, что ли. Но большинство подобное отторгает.

— Это эксперимент над зрителем, над режиссёром или над актёром?

— Сложно сказать. Наверное, над зрителем в первую очередь — как он это сможет переварить. И в то же время над режиссёром. Такая литература, которую глазами ещё прочитывать можно и где-то в тишине, в одиночестве осмыслить, прочувствовать, здесь предлагается на публичное слушание. Существуют этические моменты, которые волнуют, в общем-то, каждого человека. И вот как это

ДОСЬЕ

>> Яков Алленов родился в Красноярске. Окончил Красноярский государственный институт искусств, позже — Высшие режиссёрские курсы у Л. ХЕЙФЕЦА (с красным дипломом!). Актёр, режиссёр-постановщик, автор сценариев. Работал в театрах Казани, Вологды, Нижнего Новгорода.

>> Из устоявшейся и успешной профессиональной ситуации в 2004 году решил вырваться в столицу. Работал в Москве диктором на Первом канале, в драматическом театре под управлением Армена Джигарханяна, на канале «Культура», снялся в 12 сериалах. Увидев жизнь мегагорода не с точки зрения туриста, а изнутри, понял, что лично у него нет времени участвовать в «гонке на выживание» — в Москву «надо ехать в молодости». Ещё твёрже понял, что Красноярск — отнюдь не провинциальный город, а родной театр им. Пушкина — очень высокого уровня.

>> Одно из самых больших впечатлений — Караченцов в «Юноне и Авось». Собственная «отметка» — роль в спектакле «Мера за меру» по Шекспиру 1992 года (за неё «Радио России» назвало Алленова «лучшим артистом провинциальной России»).

>> Самый запомнившийся Новый год — нынешний: «такой получился несуетный — впервые не пришлось дедморозить»...

>> В свободную минутку спешит уделить время семье, почитать, выбраться за город на автомобиле.

>> Из путешествий запомнилась поездка в Испанию: Средиземное море, архитектура!.. Поклонники отметили привезённую оттуда шляпу — «он в ней неотразим»...

>> Демисезонный человек: любит позднюю весну и раннюю осень.

>> Семья: жена — актриса театра им. Пушкина Екатерина СОКОЛОВА и двухлетняя дочь Александра.

На фото: Яков Алленов в спектакле «Хозяйка гостиницы» в роли кавалера Риппофратта.

пять лет существования спектакля, когда мне казалось, что где-то что-то я нащупал. Понимаю, что не поднялся в своём сознании до философии Мольера, не смог реализовать её через себя, и поэтому роли не получилось.

— Что можете сказать про то, что сейчас в театре Пушкина активно осваивают пространство новой драмы — вспомнить хотя известный фестиваль «Драма — новый код», — а там ведь очень своеобразные роли, которые и лексика требуют соответствующей, и игры...

— Я в них практически не занят и отношусь к этому, как к эксперименту. Вообще, по-моему,

соотнести, чтобы было зрителям комфортно сидеть рядом друг с другом, смотреть друг на друга и при этом ещё слушать, что там происходит на сцене? Таких экспериментов много. Прежде всего, в Москве, поскольку там и театров много. Например, артисты играют на сцене классики... просто голыми. Есть такая идея, что человек под одеждой прячет свою сущность, а так он полностью открыт миру. Но вы представьте, что по сцене ходят совершенно голые женщины, мужчины. И разговаривают друг с другом чеховским текстом.

— Представьте, что вам предложили подобное...

— Я не думаю, что согласился бы в таком участвовать, если бы я не видел в этом исключительную необходимость.

— Но вот буквально вчера я видел «пушкинский» спектакль по Шоу — «Дом, где разбиваются сердца». В третьем акте актёры частично остаются в одном нижнем белье.

— То, что происходит в «Доме», — это выстроенный режиссёрский ход. Показывающий, во-первых, инфантильность публики, которая рассуждает о жизни и мироздании и в то же время ходит в negligé, и, во-вторых, беззащитность человека перед глобальными катастрофами. Надень ты на себя хоть 28 шуб и сверху бронежилет, от бомбы или тайфуна «Катрин» это тебя не спасёт. Человек в итоге беззащитен и слаб перед природой. А ещё это — шок, который заставляет людей думать, кого-то даже раздражает. Вообще этот спектакль как большая заноза для думающих людей, он адресован к политике и власть предержащим, к тем, кто этой жизнью руководит или пытается быть руководителем. Иногда для того, чтобы подчеркнуть ту или иную мысль или ту или иную позицию, приходится прибегать к таким шокирующим моментам. Вот тогда я понимаю, для чего мне нужно выйти на публику в трусах. Но мне, конечно, это совсем не доставляет удовольствия, я не экзгибиционист ведь.

— А кто вы? И кто вообще это такой — актёр?

— О, помню, как когда-то с юношеским пылом долго спрашивал то же самое у своего педагога, ТРУЩЕНКО Валентина Александровича: в чём квинтэссенция сути актёрского существования, профессии, таланта, в конце концов. Он всё отнекивался, а потом как-то невзначай бросил: «Актёр — это философ и акробат». И пошёл дальше. Я это проглотил и долго думал, что он просто хотел отговориться от меня (философ и акробат — странно звучит!). С годами, всё чаще и чаще возвращаясь к этой фразе, я понимаю, что он, может быть, и был прав. Без философского осмысления себя и жизни быть публичным человеком и пытаться что-то донести с помощью своей роли или спектакля — вообще на сцене делать нечего. Но чтобы превратить это в жизнь, сыграть, ты должен быть пластичным, как обезьяна, и перевоплощаться из одного образа в другой настолько, насколько тебе хватает твоей физики и твоих способностей.

— Насколько сложно разделять личный опыт и профессиональное? Допустим, требуется сыграть человека, поступки которого в каких-то ситуациях совершенно отличны от ваших?

— Мне кажется, это взаимосвязано, потому что чем больше у тебя личного опыта — а он не может быть только со знаком плюс или минус — тем больше у тебя возможностей реализовать этот опыт в любом образе. Опять-таки, как этот опыт мне подсказывает, только положительных и только отрицательных людей не бывает. И чем больше этого опыта, тем больше возможностей представить этого человека не картонным, однобоким — что в анфас мы такие, а в профиль вот такие.

Человек — очень многообразное существо, с большим набором достоинств, недостатков, проблем. Всё дело в том, насколько ты можешь это удерживать на какой-то определённой оси и к чему ты направляешь свои усилия, можешь ли ты свои недостатки немного поджать, чтобы они не мешали реализации достоинств.

— Значит, жизненный опыт — это основной источник вдохновения?

— Не только. Жизненный опыт — и опыт литературный.

В качестве примера: если тебе говорят — сюда не ходи, здесь брода нет, то надо быть большим дураком, чтобы к этому не прислушаться. Так же ты прислушиваясь к книгам, которые читаешь и пытаешься разобрать.

Ты соотносишь, верно это или неверно, есть в этом правда, или

она придумана. Опыт, который складывается годами.

— В современном мире многие вещи, ситуации, мнения и даже ценности переменчивы, нестабильны. Кем тогда должен быть актёр — носителем чего-то традиционного, духа истории, или — духа нового времени?

— Безусловно, времени. А у каждого времени есть свои точки отсчёта. В начале 2000-х годов кто-то из политиков сказал фразу: да, жить сложно, но надо ещё научиться делать это во всё время меняющемся мире. Конечно, тем, кто обладает миллионными состояниями, и здесь легче приспособиться... Но эта мысль не так глупа — на самом деле каждое время предполагает новый стиль жизни, и, наверное, это время отсеивает тех, кто не способен бороться и жить в диктуемых им условиях. А актёрское ремесло — в чём, наверное, ещё одно его достоинство — то ремесло, в котором ты постоянно меняешься.

В итоге роли, которые ты сыграл и которые тебе не безразличны, формально тоже откладывают отпечаток на твою психофизику. И вот эта подвижность актёра как личности, продиктованная профессией, предполагает, наверное, большую возможность в новых жизненных ситуациях как-то ориентироваться, быстро в них адаптироваться и существовать по новым законам, по новым правилам игры.

— Ответ на вопрос, кто ближе всего к актёрам из других профессий, очевиден...

— Да — политики, в первую очередь. Ещё писатели — благодаря живости ума и постоянным попыткам осмысления действительности, если это не закоренелые ретрограды, которые всё, что сейчас есть, считают ужасным. Журналисты в какой-то степени. А если брать шире — то любой человек, который пытается существовать деятельно в этом мире.

Любой публичный человек имеет отношение к актёрской профессии. А политики ближе всего, потому что они не только играют в свои политические игры, но и манипулируют сознанием — чем актёр занимается лишь на небольшом пространстве зала.

Вот, допустим, сейчас мне придётся играть этого лживого, меркантильного политика, сластолюбца, который все свои недостатки укрывает за определёнными позами. Это то, что я привношу в пьесу Куни, в драматургию, похожую на анекдот: не надо бесконечно доверять глашатаям, которые выходят на площадь и заявляют, что ежедневно жертвуют ради народа души и телом, с актёрски правильными слезами в глазах.

— А какими в такой ситуации нужно быть окружающим людям — оставаться непробиваемыми или, напротив, гибкими, мимикрировать под обстоятельства?

— Здесь рецептов нет, как нет рецептов для жизни каждого человека. Каждый сам выбирает свой путь. Как ему быть? Как он считает нужным, лишь бы не поддаваться тому, чтобы из тебя сделали наживку для ловли большой рыбы. А поддаться можно легко, поскольку человек склонен доверять, ведь вся культура, весь исторический путь человека связан с верой и доверием. Ты мне веришь, я тебе верю, я тебе не верю. Это библейские сюжеты, которым не одна тысяча лет. Верой манипулируют, на ней зарабатывают. А на доверии ещё больше.

— Разве актёры зарабатывают не на том же?

— Актёры вообще мало чего зарабатывают, если уж на то пошло. Это почти альтруистическая профессия. Но вообще, актёр всегда ищет себе союзников в зале.

Если его понимание роли и того, что хорошо и что плохо, находит отклик у большего количества зрителей, и эти зрители верят и доверяют актёру, то у него достаточно много союзников. А следовательно, он правильно мыслит, он попал в сердцевину своего образа. Получается, что актёр делится своим жизненным опытом и осмыслением себя, бытия, своих персонажей с теми людьми, которые приходят. И, может быть, на какие-то вещи приоткрывает глаза.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

«У учёного должна быть крепкая психика...»

Она усаживает меня за чайный столик, а сама продолжает решать по телефону срочные дела. Накануне, просмотрев резюме и список научных статей доктора биологических наук Валентины Александровны КРАТАСЮК (почти полсотни страниц), я почувствовала беспокойство и некую моральную подавленность: в её достижениях явно просматривался мировой уровень, и как ещё с этим удастся справиться?... Но приветливость заведующей кафедрой биофизики Института фундаментальной биологии и биотехнологии СФУ с порога развеяла мои сомнения, и дальше я впала в другую крайность: за поощрительным тоном, не сходящей с лица улыбкой и простотой обращения порой забывала тот факт, что передо мной человек, который никогда не сдаётся и редко проигрывает.

— Извините, я заставляю вас ждать. Будто звезда шоу-бизнеса! — смеётся Валентина Александровна. — Однажды, знаете, встретилась случайно с певцом Николаем РАСТОРГУЕВЫМ в аэропорту. Поклонники берут автографы, я спокойно стою рядом. Он смотрит на меня вопросительно, а я и говорю: «Вам автограф дать? Знаете, сколько приходится расписываться в зачётках?». Посмеялись.

В её небольшом кабинете по-домашнему уютно. Студенты частенько забегают на кафедру сварить кофе и «побаловаться плюшками». Здесь есть даже свой «банк» — берестяная копилка, вложения в которую попадают исключительно с целью «к чаю».

— Валентина Александровна, у вас многогранная научная карьера. Но каждый путь начинается с первого шага...

— Мои родители не были учёными: папа закончил техникум по специальности «металлургия», мамино образование превратилось после 7 класса, когда началась война, и мама пошла работать в типографию. Но родители были уверенные в себе люди и талантливые в науке воспитанники: всегда внушали нам, детям, что мы всё можем, и это помогло реализоваться. Мой брат — главврач, сестра — успешный журналист, я — учёный. И папа, и мама в жизни и работе были изобретатели и нас учили нестандартным подходам. Возможно, отсюда и мой интерес к науке.

В школе я была крутлой отличницей, всегда выделялась, побеждала в олимпиадах. Часто рассказываю историю о том, что в 5 классе по собственной ошибке попала вместо олимпиады по математике на олимпиаду по физике. И неожиданно заняла 1 место.

— Так в 5 классе ещё нет физики...

— Да, но мы тогда все увлекались книгами Ю. Перельмана «Занимательная физика» и многое знали. Сегодня в школе такому учебному парадоксу порадовались бы, но во времена СССР относительно 1-го места сказали — «не положено»...

По обидному стечению обстоятельств золотую медаль я не получила, но это сыграло на руку моей научной карьере! Вместо матфака МГУ я «назло всем» поступила в Новосибирский государственный университет, куда в то время было поступить сложнее, чем в МГУ, и где не любили медалистов. С этого начался важный этап — погружение в науку. В 70-е научная жизнь в новосибирском Академгородке была «на взлёте». Физика, математика, биология, английский — всему этому нас учили на факультете естественных наук. Важным было и то, что преподаватели в НГУ с самого 1 курса внушали нам, что мы — элита, мы талантливы и можем решать любые задачи. Профессора знали не только имя и фамилию студента, но и то, чем он живет. Отсюда естественным образом выходили дружеские отношения: с нашими преподавателями мы ходили в походы, приглашали их в гости и на свадьбы.

— Вы вышли замуж студенткой и на 2 курсе родили дочь. Это не положило конец учёбе?

— Взять «академ» я не могла: родители бы не поняли. Поэтому с дочерью мы «учились» вместе: пока я и молодой папа сидели на лекции, коляска стояла под окном. Я за ней следила, выбегала покормить ребёнка... Рождение Кати очень помогло мне в карьере, я вынуждена была научиться грамотно организовывать своё время. Нельзя было расплываться на незначительное, приходилось всё время расписывать по минутам. С таким семейным опытом пришлось и ещё одно ценное качество — умение быстро «включаться» в работу.

Готовишься к экзамену, покормил дочь, и снова — за книги. Да, отдыха было мало... Но кто в молодости живёт спокойно? Знаете, как ни парадоксально, когда человек очень загружен, он больше успевает и, главное, ничуть не страдает от этого, а только становится более успешным, наполняет свою жизнь.

— Но ведь кого-то трудности могут и сломать?

— Всё зависит от того, как к трудностям относиться. Меня родители с детства учили находить положительное во всём, что со мной происходит, так сказать «интерпретировать факты в свою пользу» и забывать плохое, неудачи.

Например, у окружающих меня коллег складывается впечатление, что все мои проекты выигрывают гранты. Сейчас, конечно, процент выигранных очень высок, но были времена, когда ничего не получалось. И важно было не фиксироваться на этом. Просто если случается такая неудача — я сразу забываю о ней.

Человек растёт, преодолевая трудности. Когда мы с мужем только переехали в Красноярск, мы были одними из первых биохимиков в городе. Впереди большие программы и исследования, хорошее оборудование, финансирование... Зарплата была маленькой, но зато мы имели возможность заниматься наукой! Мне кажется, переезд стал ещё одним поворотным пунктом в жизни. Когда я вырвалась из насиженного гнезда, уехала отсюда, где меня знали и любили, то стала более самостоятельной. Большая ответственность, с которой в Красноярске пришлось столкнуться лоб в лоб, заставила по-настоящему напрячься и работать. И забавно, но я одна из первых среди однокурсников защитила кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию, хотя начинала с нуля.

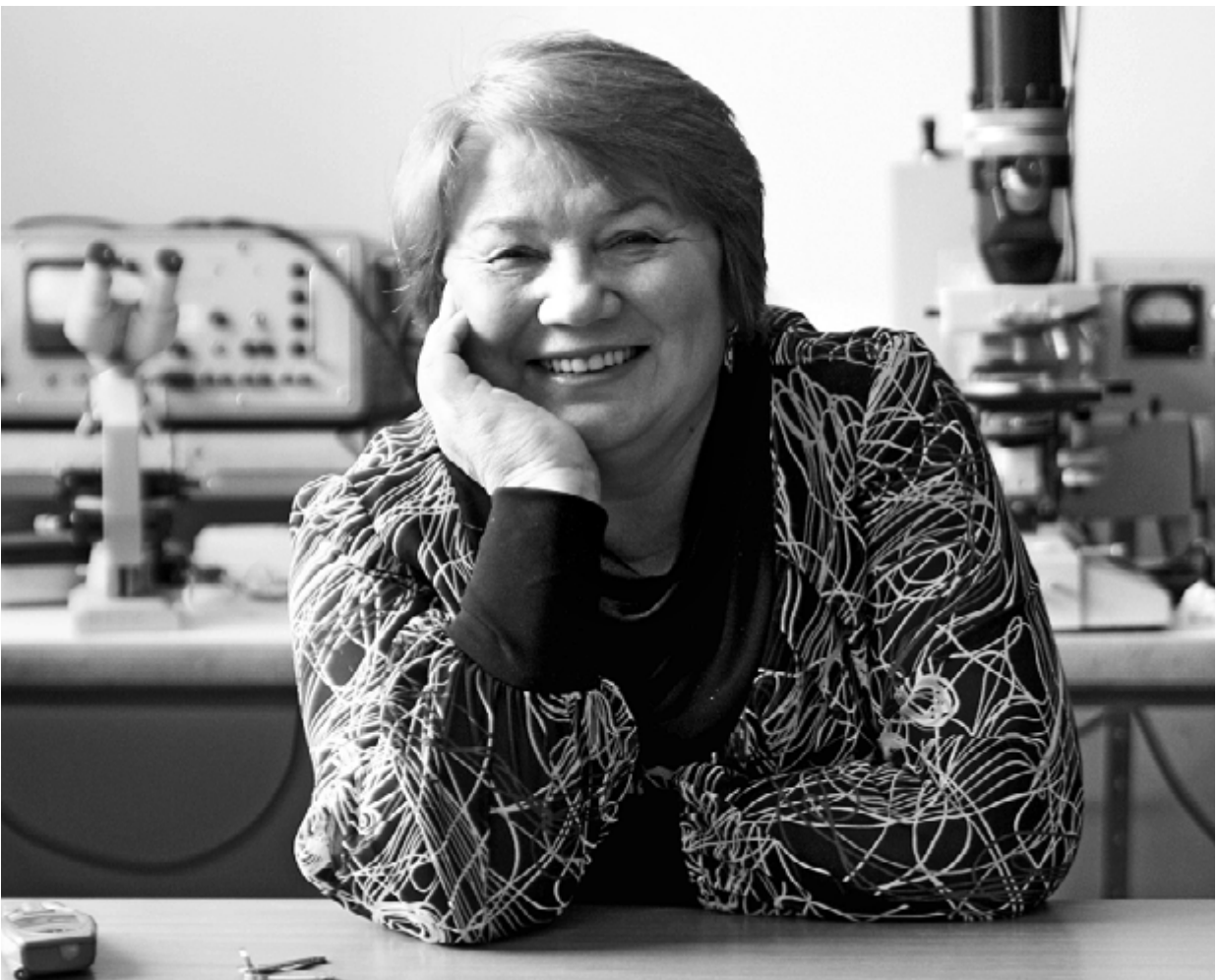
В сложных жизненных ситуациях очень помогает уверенность, внушённая тебе с детства и в университете: «ты можешь всё».

— У вас своя модель подготовки специалистов. Каковы её основные принципы?

— Самое простое, но и самое важное — любить тех, кого учишь. Да, на первый курс абитуриенты приходят разные: у одного не хватает знаний по математике, у второго — по физике и т.д. Но важно, что есть желание учиться, заниматься наукой. Как говорят — «мотивация». Наши студенты хотят учиться, им нравится университетская обстановка, они прекрасно понимают, какие есть карьерные перспективы. Первые два года ребятам, конечно, очень трудно, но к третьему они «выравниваются», а на пятом курсе очень редко про нашего студента можно сказать — «слабенький».

У нас на кафедре доброжелательная обстановка. Студент знает, что он может прийти с нерешённым вопросом в учёбе или с личной проблемой, и его всегда выслушают и постараются помочь. Мне иногда говорят, что я ношусь со своими студентами «как с детским садом», но мне кажется, что это и правильно. Преподаватель должен знать тех, в кого он вкладывает свои силы. Студенты приходят на кафедру просто пообщаться, поговорить, рассказать о себе. Вместе мы делаем новогодние праздники и прочее. Если 1, 2 курсы ещё стесняются, то 5 курс — это уже научная семья, студенты — свои люди на кафедре, приходят как к себе домой.

Плюс ещё и в том, что у нас работают профессионалы мирового уровня, которые своим примером показывают, как можно быть успешным в науке. В США

такая практика называется «История успеха». Я работала в Образовательной программе космического агентства НАСА для одарённых студентов США и Канады. Для них была устроена встреча с космонавтом, который рассказывал о том, как он достиг успеха, а начинал таким же, как они, «сопливым подростком». Одно из моих популярных обращений к студентам начинается: «Приятно, что вы пока такие глупые и неопытные, какими и мы были когда-то.....»

Я верю, что каждый студент талантлив. Бывают те, кого не доучили или кто сам не доучился. А физики, математики, биологи вообще кажутся мне героями, потому что специалисты, которые они сознательно выбрали — очень сложные! Сейчас годы демографического «провала» проходят, и снова начнётся научный «бум» поступления на эти «профессии будущего», что не может не радовать!

— Что лично для вас самое сложное в работе со студентами?

— Не хватает времени. Дел становится всё больше, а времени в сутках не прибавляется... Но преподавательская деятельность даёт мне здоровое ощущение самореализации. Радуюсь каждому талантливому студенту, тому, что он поднялся на ступеньку выше, чем ты. Как в одном моём стихотворении: «...пусть нас поддерживает вера, что аспиранты лучше нас...». Это здоровый эгоизм, когда создаёшь себе комфортную профессиональную среду, имея на кафедре и в разных уголках мира своих учеников.

— Чем научная деятельность может быть интересна для молодых людей?

— Знаете, чем отличается занятие наукой? Тем, что вы никогда не найдёте окончательных ответов на поставленные вопросы. Учёный всегда решает нерешаемую задачу. Понять, как работает тот или иной прибор, как устроен человеческий мозг — это всегда открытые вопросы, которые требуют постоянного изучения. Поэтому занятие наукой — особая деятельность, от которой нужно получать удовольствие, это определённый образ жизни. Не все на это способны. Потому что поиск, нерешённые вопросы создают для человека некомфортную ситуацию: хочешь — и не получается, ответил на один вопрос — за ним ещё миллион!

— То есть у учёного особый темперамент?

— Да, человека в постоянном поиске. Нужно обладать особенным трудолюбием и даже крепкой психикой. Потому что ты затратишь уйму времени на исследовательскую работу — а сделаешь открытие с приставкой «микро». Окружение, которое находится вне научного контекста, может и не заметить и не оценить проделанную тобой работу. А надо идти дальше. Я очень долго занимаюсь изучением механизмов свечения живых организмов и созданием новых биолюминесцентных биосенсоров. Многие работы, сделанные и давно даже опубликованные, только сейчас становятся интересны другим «биолюминесценщикам». Новая идея, как правило, «доходит» до научного сообщества спустя 10-15 лет...

На кафедру заходят аспирант Иван и студент Артур, обсуждают камического агентства НАСА в понятном мне «языке». Пока выдалась минутка, решаю снова согреть чаю.

— Главное в науке — ощущение дискомфорта, — возвращается к беседе Валентина Александровна. — Как ни парадоксально, в поэзии — то же самое! Я со школы пишу стихи и знаю об этом не понаслышке. Есть неспокойный импульс внутри — идут строчки. В детстве и юности все пишут стихи, и это связано с гормональным «любовным» фоном. А с возрастом поэты становятся прозаиками или вообще прекращают писать. Настоящие, живые стихи способны сочинять только те, кто с годами сохраняет чувство дискомфорта и творческого беспокойства внутри. Как, например, один из моих любимых поэтов — Белла АХМАДУЛИНА.

— У науки и поэзии одна творческая природа?

— И в поэзии, и в науке важно творчество. Кстати, творчество благоприятно сказывается на здоровье, и есть вероятность дольше прожить. Дело в том, что старение человека зависит от активности 7 генов, отвечающих за умственную деятельность.

— Вы считаете, человек до старости может генерировать идеи?

— Конечно! Опыт играет на руку умственной деятельности. Если раньше написание научной статьи занимало у меня два года, то сейчас — неделю. И если человек в возрасте занимается наукой, разучивает стихи, каждый год перерабатывает свои лекции, активно работает со студентами — он дольше проживёт. Вот некоторым кажется: зачем бабушки под старость лет учат иностранные языки и садятся за компьютеры? Потому что способность к обучению — это верный путь к долголетию!

— Как вы считаете, попытки правительства вложить больше средств в науку предотвратят «утечку мозгов»? Есть у российского учёного перспективы?

— Сегодня есть все основания для того, чтобы заниматься наукой в России. Есть замечательные места для научных исследований, где имеется и оборудование, и финансирование, и возможность выигрывать гранты. Такой «горячей» точкой является и СФУ, где сейчас достаточно оборудования для работы, выигрываются большие гранты на научные исследования. А так как в грантах активно участвуют и аспиранты, и магистры, и студенты, то это и хорошая материальная поддержка.

Я считаю, что самый универсальный и комфортный вариант, — это работать в своей стране и сотрудничать с иностранными учёными. Наука же сама по себе — внеациональное явление.

Я, например, являюсь почётным профессором университета Флориды, где мы разрабатываем датчики для определения стрес-

са у растений в теплицах, предназначенных для Марса, чтобы управлять процессами выращивания в них растений с Земли.

— Вы работали в разных странах — США, Испании, Франции, Польше. Изменила ли вас работа в зарубежных вузах? Какие образовательные «фишки» у иностранных коллег вам показались интересными?

— По программе Фулбрайта я делала проект «Сравнительный анализ роли науки в образовании в университетах США и России». Мне, например, понравилась система «обучения по образцам». С первого курса за рубежом в буквальном смысле приучают к профессиональному ритму жизни, к умению правильно организовывать своё время, пользоваться опытом и знаниями профессионалов. Эту модель мы теперь применяем на кафедре биофизики. По успешным образцам учим студентов правильно писать заявки на гранты, статьи на английском языке, заниматься коммерциализацией своих исследований. В последние годы очень возросло количество именно студенческих публикаций! Когда молодые люди понимают, что при правильном подходе они могут у фондов получить финансирование на свои исследования, им это начинает страшно нравиться. Так и втягиваются в науку! Не оторвать потом.

В последнее время нам важно показать студентам, как поставить идею их исследования на коммерческие рельсы, получить возможность её воплощения в жизнь. К примеру, сейчас сформировались активно действующие группы студентов, имеющие свои коммерческие проекты. Одной из таких групп руководит студентка 3 курса Наталья ЗАЙЦЕВА. Наташа отлично учится она прекрасным организатором. С командой они сделали альбом для раскрашивания «Энциклопедия светящихся организмов» для детей 7-10 лет. Сами написали доступный для детей текст, пригласили дизайнера. Уже нашёлся заказчик на этот альбом. Студенты постарше, во главе с Иваном ДЕНИСОВЫМ, занимаются разработкой портативного биолюминометра, который можно было бы носить с собой и проверять уровень токсичности продуктов, качество воды и пр. А ведь это студенческая работа!

— Какое своё достижение вы считаете самым важным?

— Наверное, создание нового направления — ферментативного биотестирования.

— Это найдёт выражение в каком-то амбициозном проекте?

— У нас их несколько. И даже поддерживаем крупными грантами. О портативном биосенсоре я уже упоминала. В этом мы одни из первых в мире. Сейчас аттестовали методику измерения токсичности воды, доделаем прибор, запустим производство реагентов, и можно будет продавать продукт экологическим службам. На развитие идеи работает целый консорциум: это и кафедра, и две коммерческие фирмы, и зарубежные партнёры, и лаборатории. И это всё — современная наука.

Анна МЕРЗЛЯКОВА

На пространстве меж двух океанов

О писателе Михаиле ТАРКОВСКОМ я узнала года два назад; что он давно уехал из Москвы, живёт у нас на Севере, в тайге. Совсем недавно встретилась информация, что он награждён какой-то литературной премией. И вот прихожу на Красноярскую книжную ярмарку в ноябре и первое, что вижу — его трёхтомник. На пробу купила одну книжку (вдруг это не мой писатель), первую — «Замороженное время».

Писатель оказался «мой». Читала его с наслаждением, хвалилась каждому своим «открытием», как будто здесь моя заслуга — что в этом то ли охотнике, то ли поэте вдруг зазвучал и Бунин, и Шукшин, и немного Астафьев, и с ними вся тысячелетняя русская культура.

А потом филолог Владимир Кириллович ВАСИЛЬЕВ, преподаватель русской литературы в СФУ, дал мне адрес Тарковского, с которым оказался знаком. И вот я пишу ему первое письмо.

Письмо первое

...Сильнее всего меня поразило в ваших историях полное отсутствие тревоги и страха. Человек одинок перед этой великой тайгой, великой рекой — но нисколько не теряется, это его система координат. И нет никаких катастроф, на ожидания которых так заряжено наше сознание. Если кто-то стреляет из ружья, моё испорченное воображение уже рисует каких-нибудь сбежавших эзков, а ваш герой мчится навстречу, радостно гадая: кто бы это мог быть...

Второе — непривычные, глубокие описания природы (которых я вообще-то не люблю). Это небо поздней осенью, которое наконец покрывает покоем и благодатью. Эта земля, беспрепятливо гонящая, выталкивающая жизненные соки. И человек, простой человек, который так остро чувствует и эту глубину смыслов, и невыносимую красоту. Она складывается и из многих мелких штрихов, деталей, которые мелькают, как путевые заметки, не разрастаясь ни в какой рассказ, и кажется даже — зачем это всё подмечать и запоминать, если это только мелькает и уносится? Но в этом есть младенческая обнажённость души, и она сама по себе потрясает, как таинство (родившегося таланта?).

Впрочем, что я вам пересказываю, что в ваших книгах можно найти...

Но вот об этих современных страхах. В рассказах их нет. А в интервью, которые можно найти в Интернете, вы говорите о том, что есть тревога за Россию и даже впечатление, что запущен механизм разрушения. Когда вам это стало видно: уже оттуда, из тайги, или ещё до того, как вы «покинули цивилизацию»? Но ведь «уход» не может быть решением...

И ещё мне почему-то кажется, что тех людей, которых вы описали, и той жизни, которую они ведут, — уже практически нет, это как «уходящая натура». Скажу даже крамольную вещь: то, что вы на них «посмотрели», вписали их в традицию и культуру — как будто подвело черту под их существованием. Этой жизни в бесконечной борьбе за выживание стало достаточно — современному человеку её уже не вынести... В общем, вопрос в том, что может давать основание надеяться, что это устоит? И что Россия устоит?..

Михаил Тарковский:

Дорогая Валентина! То, о чём вы пишете, касается моей первой книги рассказов и повестей, написанной в девятых годах человеком, абсолютно опьянённым тайгой, образом жизни промысловиков и находящимся внутри этого мира. Могу сказать, что сейчас у меня совершенно другое ощущение жизни. Это ощущение беды — и планетарной, и нашей русской — есть в книге «Тойота-Креста». И об этом, я надеюсь, будет и третья часть этой книги, над которой начал работать. Видна эта «беда» стала из тайги, но после того, как мне тайга сделалась маловато, и влилась накрепко в душу вся огромная наша Большая Сибирь (термин не мой, я

его подглядел у хабаровчан). Я побывал во многих местах Красноярья и на Дальнем Востоке, в частности, на самой оконечности Курильских островов.

Помаленьку, понемногу — и через непостижимую нашу природу, и через с виду несерьёзные вещи, вроде праворуких японских машин — стала помимо меня вырастать-подниматься огромная социальная тема нашей страны.

Её настоящего и будущего в условиях тотального непонимания центром своего народа и особенно жителей глуши и окраин. Самое неожиданное — что всё это побудило меня вернуться к стихам, которыми, как ни странно, оказалось подручней говорить о некоторых огромных проблемах — проблемах русской земли и боли за неё. Стихи эти, подобно «песням из кинофильма такого-то» стали едва ни самой дорогой частью прозы последних лет.

Вопрос о прогнозах и судьбе России — не ко мне, потому что я не пророк и не мудрец, не социолог и так далее. Есть люди поумней, и хотя мне самому почти и не интересно ничего, кроме заданных вами этих роковых вопросов, несмотря на это, я чувствую, что ответы лежат в некоей области, ну скажем... скажем, связанной с ответами на них нашего русского православного батюшки. Тут мало констатировать всем известные разрушительные тенденции, то есть, сокращение славянского населения, отток народа с Востока и близость Китая с огромным населением, и то, что главная беда — отсутствие государственной воли строить Отечество, и что люди власти, судя по всему, своё будущее не связывают с этой землёй (об этом говорит Захар ПРИЛЕПИН). Всё это нужно знать и понимать, и иллюзий не питать. Но есть некие непостижимые, что ли, материи, где мы как щенки.

Мы и вправду не знаем, какова воля Божья по отношению к России, поэтому единственный выход — не впадать в грех уныния и делать своё дело, благо есть примеры потрясающего подвижничества у нас здесь в Сибири, да и по всей России. Остаётся брать пример, не роптать и конкретным, пусть и с виду малым, делом противостоять тому, что происходит — то есть разрушению Отечества. А самое главное — меньше произносить слов, меньше пить водки и больше созидать. Интересно, что на замечательном литературном фестивале «Белое пятно», недавно прошедшем в Новосибирске, мы много говорили об этих вещах, а после я слышал отзывы молодёжи, студентов. Сказанные на выступлениях подобные слова некоторые молодые люди характеризовали как «официоз». Мне было досадно и удивительно услышать такой отзыв. Как так? С моей точки зрения, официоз — это всё то, что узаконено через телевизор, идеология потребления и прочее, а никак не наши почти подпольные старания написать правду о России или построить музеев. Однако в этом юношеском отзыве есть что-то такое, что поможет нам в нас самих что-то объяснить. Как вы считаете?

Письмо второе

...Меня как раз не удивляет, что молодёжь воспринимает это так. Ведь «патриотизм» любят ставить в обязанность, которая

означает — принимать ту жизнь, которая уже мало кому нравится. Призывы к самобытности почвенников и народников воспринимаются как перспектива отсталости, отрезанности от всего мира — чего тоже уже никто не хочет, да и невозможно это. А когда о «патриотизме» говорит государство, которое при этом, как вы сами пишете, делает что-то совсем другое (например, это называют «менеджментом в интересах транснациональных корпораций»), то его призывы — ширма либо пустые слова.

А вот то, о чём вы говорите — надо поменьше пить — меня как раз задело в вашей книжке. Все ваши герои пьют. При этом вы пишете, что на севере даже бомжи сохраняют своё достоинство и приличный вид. Но ведь это иллюзия, деградация здесь неизбежна и необратима. (Может, ещё и поэтому показалось, что этот мир, стало быть, уходит). Тут вроде бы даже и говорить не о чем, но эти вещи не могут так же естественно вылетаться в жизнь, как труд, содержание семьи, возведение собственного дома. Они с этим в глубоком противоречии!

Михаил Тарковский:

С одной стороны, водки в тех рассказах примерно столько же, сколько было в окружающей жизни. Единственное, мне по молодости казалось, что всё-таки таёжные застолья — часть этой крепкой и бодрой жизни, ну вроде — смотрите, какие мы мужики! И поработать можем, и погулять! В книге «Енисей, отпусти!», как мне кажется, я попытался разобраться с этой темой в повести «Бабушкин спирт». По поводу пропащих же мужиков, пьяющих и сохраняющих достоинство, я в свою очередь написал в очерках, находящихся в конце третьего тома. Как раз именно о том, о чём вы говорите. А вообще, о пьянке писать надо, но без упоения и сочувствия, а как о великой беде и болезни.

Вообще, русские люди не могут просто так жить, безо всякой идеи, цели. Цель быть сытым и аккуратно одетым — никак не может никого ни на что подвигнуть, кроме разве как приворовывать что-нибудь. Должна быть идея национальной ответственности за нашу землю.

За то, что на ней происходит, желание сделать эту землю самой лучшей. И здесь, по-моему, православная вера — тот фундамент и подмога, система мира, без которой человек показательным образом теряется, разрушается, тонет в мире противоречий и искушений. Для нас, живущих на русском пространстве между двух океанов, это и ключ к родной земле, к её истории, и к нашей культуре: литературе, живописи, музыке. И к окружающим людям. Это и прививка, и защита. А защищаться, поверьте, есть от чего.

Письмо третье

... Есть такой обсуждаемый сюжет, отголоски которого я

увидела и в ваших рассказах, — о том, что многие из нас самих, а уж тем более наши дети, выращены исключительно женщинами. Полная семья сегодня — скорее исключение. А в книгах ваш герой понимает тех женщин, которые не поехали вслед за ним, и в конце концов даже благодарен им за это, иначе бы его не настиг этот ветер свободы, эта его судьба... Мне кажется, что матрица «естественности» одинокой женщины, которая с младенчества укладывается в сознании наших детей, и девочек, и мальчиков, — одна из главных причин распада межличностных связей и запрограммированного несчастья современного человека. А безответственность мужской «самости», которая следует только логике своих интересов, просто поражает. А мы «прекрасно понимаем» и ту, и другую сторону. Но ведь это же вырождение?

Михаил Тарковский:

Эти все проблемы: самость мужчин и женщин, неумение служить чему-то общему и друг другу, разрушение семьи — это всё, с моей точки зрения, — звенья одной цепи, отражение того, что происходит в мире. Тут всё и просто, и сложно. По-моему, главная-то беда — что как раз никто никого понимать не хочет. А герой понимает женщину, которая не поехала за ним в тайгу, как раз потому, что считает себя виноватым и неспособным сделать её счастливой, потому что она из другого мира. Это проблема этого человека, а не женщины. Глобально её (проблему эту, а не женщину) я попытался поднять в «Тойоте-Кресте».

А вообще вопросов много. Как жениться? Как выходить замуж? Кто прав: тот, кто женится только по любви, по влюблённости и ждёт-привередничает этой любви, или по расчёту, по разуму, по желанию просто создать семью ради будущих детей, для «нормальной жизни»? Опять же — это вопрос скорее к батюшке. У меня у самого ещё куча вопросов и противоречий, которые предстоит решить. И главный вопрос, до которого я пока ещё не дорос, а он мучит меня уже лет десять: это как раз — как жить? Спасая себя или спасая мир? Как можно прощать врагов своих? И как отличить врагов твоих от врагов Божиих? А ответ один: эти противоречия только в тебе, а у Бога нет противоречий. Значит, ещё идти и идти... Бежать от своего незнания...

Тут, с одной стороны, масса философских и богословских вопросов, а с другой — острее, обжигающее и животворнейшее соприкосновение с жизнью, поиск правды и истины вот прямо тут, за окном, на заснеженной мостовой со следами ёлочками от подмётков.

Письмо четвёртое

...Читаю вашу «Тойоту». Очень сложная для меня линия любви, кажется — любовь ли это? Но периодами настаивает её романтика, красота восприятия другого человека, и становится ясно, что в нашей жизни и такая-то любовь (пусть в споре, в набегах) — большая редкость.

Но хочу вас спросить о другом. Вы были знакомы с АСТАФЬЕВЫМ. Этот автор — знаковый для Красноярска. Был ли он вам созвучен? Помог что-то понять? И как вы расцениваете его зна-

чение в современной литературе? Мне разобраться с этим важно, потому что Астафьев — наш местный бренд, а на самом деле не многие его знают, любят и читают.

Михаил Тарковский:

С Виктором Петровичем у меня было несколько встреч, которые я описал в очерке «Пешком по лестнице». Человек этот был мне чрезвычайно нужен, и его появление в моей жизни — очень важным... Я тогда написал рассказ или повесть, кто её разберёт, «Стройка Иваныча». И почему-то, когда писал, представлял героя, этого Иваныча самого, с обликом Виктора Петровича. Это, конечно, было не случайно, потому что Астафьев был для меня эталоном русского крестьянского духа. И уж, конечно же, енисейского... Повесть он получил, и последовал очень хороший отзыв (что это как «глоток свежего воздуха»). А главное, Виктор Петрович тут же отправил повесть в журнал, где её до этого не брали. А уже взяли в другом журнале, который не кочевряжился, а оценил повесть, да ещё и премию дал. Я узнаю и холодею, что так подвёл Виктора Петровича, не зная тогда ещё его отзывчивой деятельности натуры... А Астафьев моё название исправил на «Стройку бани». Так и осталось.

В раннем детстве я много читал Астафьева, слушал радиоспектакли по его рассказам, и многое залегло в душу, хотя имя автора я не запомнил. Позже уже переоткрыл эти произведения, и они стали именными, астафьевскими, и всё поражало — насколько крепко в нас сидит прочитанное в раннем детстве. Оно уже стало моим, и даже было странно, как же так — ведь это моё, а тут ещё откуда-то автор выскакал. Чудно... Ранние рассказы Астафьева особенно советуно читать молодым людям, книгу «Последний поклон», «Царь-рыбу». Это для меня из тех книг, которые почти боишься перечитывать из-за их пронзительности, будто боишься себя лишней раз тревожить. Потому что это требует радикальной подстройки души, отказа от привычной жизни накатанной.

Валентина ЕФАНОВА

... В головах Саянские отроги, Енисей вливается в висок, Руки, как огромные дороги, Пролегли на запад и восток. В каждой я держу по океану, Не испить, не слить, не уронить, Как же мне, разъятому орлану, Самого с собой соединить? (Из книги «Тойота-Креста»)

«Андрей в который раз стоял посреди Енисея, глядя в небо, выложенное розовыми, как лососевая мякоть, облаками, и, измученный этой роскошью, всё спрашивал, почему же нет из неё никакого выхода, а есть лишь томление сердца и неодолимое притяжение неизвестного. Потом наступала ночь, через далёкое отверстие в туче светила невидимая луна, и на Енисее под этим местом в версте от берега лежал огромный мерцающий круг. С утра еле различались лодки на берегу, но вскоре туман рассеивался, и открывалась даль, но уже не томящая душу, а по-осеннему отчётливая и тихая, словно за ночь растворилась перепонка между небом и землёй, и пролились вниз с неба покой и тишина. Тихо было на свете». (Из рассказа «Лес»)

Миссия доктора Брюханова

Про доктора БРЮХАНОВА ходят легенды. Например, что в условиях слабого государственного финансирования медицины он вкладывал в приобретение необходимого импортного оборудования свои собственные деньги.

— ...Да откуда они у меня? Всё по-другому было. В начале 90-х мы действительно начали применять новые технологии в операционной, и понадобилось современнейшее оборудование. И тут я нашёл и подключил к решению проблемы бывшего генерального директора КраЗа Алексея БАРАНЦЕВА. Нам в 1994 году помогли приобрести стойку, которой цены не было! Эффект не заставил себя ждать: сотням красноярцев не пришлось ехать в Москву, где цены баснословные.

Это греет, когда людям вовремя помогаешь, и не абы как, а на современном уровне. У нас, помнится, лежал ветеран Великой Отечественной войны Григорий Афанасьевич ИВАНОВ (замечательный человек, царствие ему небесное). Мы его в 81 год прооперировали, он почувствовал себя намного лучше, поехал на День Победы в Москву и даже прошагал на параде Победы по Красной площади...

Наш разговор прерывает настойчивый стук в дверь. К доктору заглядывает недавно прооперированный больной, которому нужно подтянуть металлический каркас на ноге. Несколько минут — и всё готово. Больной уходит. Но на пороге уже новый посетитель.

— Я представитель фармацевтической компании, можно войти! — девушка держит в руках коробочку с препаратом.

— А, нет! — говорит, как отрубает, главный травматолог города. — Я буду занят ещё с полчаса. У меня сейчас человек сидит.

Однако это обстоятельство не останавливает коммивояжёра.

— Алфлутоп, Ирина, — скороговоркой выпаливает она.

— Мы применяем его, но умеренно, — внешне сохраняя спокойствие, отвечает Брюханов.

— А почему умеренно? — допытывается представитель.

— В своё время он показал себя нехорошо, было в моей практике два случая серьёзных осложнений, — в голосе доктора появляется недовольство. — Постыль я к вашему препарату.

— А я вам принесла ещё и другой...

— Вы зайдите в ординаторскую, — остаётся в рамках вежливости Брюханов и замыкает входную дверь на ключ. — Только так мы сможем поговорить.

Разговор нацистоту

Обеспечив временное затишье, Владимир Иннокентьевич разводит руками:

— Они приходят сюда каждый день. То одно предлагают, то другое... Ответ сегодня жёсткий был: мне препарат действительно не понравился, и назначать я его больше не собираюсь... Всегда им говорю: ребята, вы предлагаете новое лекарство, а где ваша защита от подделок? В случае чего фармацевты умывают руки, но мы-то, врачи, должны оберегать пациентов. Когда я говорю, что надо принимать именно это лекарство, больной мне верит...

— А мы, обыватели, простите за откровенность, думаем, что врачи с фармацевтическими фирмами завязаны и получают от них мзду за назначение препаратов конкретной компании...

— Ну почему, как только всплывает тема борьбы с коррупцией, так обязательно врачи?! Вы, журналисты, сначала все факты проверьте, а уж потом обвиняйте! Я раз звонил в одну из местных телекомпаний, спрашивал: почему, когда шла передача о врачах-вредителях, показывали операционную второй травматологии БСМП, нашу операционную??? А они в ответ: какая разница! Как это какая?! Мы-то свои стены узнаём и по этому поводу жутко переживаем... Лично я ни с кого деньги не брал и обязательства не подписывал.

Живём пока, работаем...

— А не приходила мысль — уйти из неотложки куда-нибудь в частную клинику?

— А где в Красноярске вы видели частную травматологию — больницу, где делают эндопротезирование суставов, экстренную помощь оказывают, где функционирует реанимационное отделение? Частная стоматология — пожалуйста! Услуги косметологов (удаление бородавок, морщинок) — сколько угодно! Несколько лет назад работали в нашем городе две травматологические клиники: на заводе ХМЗ, где делали сложные современные операции, и стационар в специализированной клинике по лечению заболеваний и травм опорно-двигательного аппарата «Институт восстановительной медицины».

— И где же они?

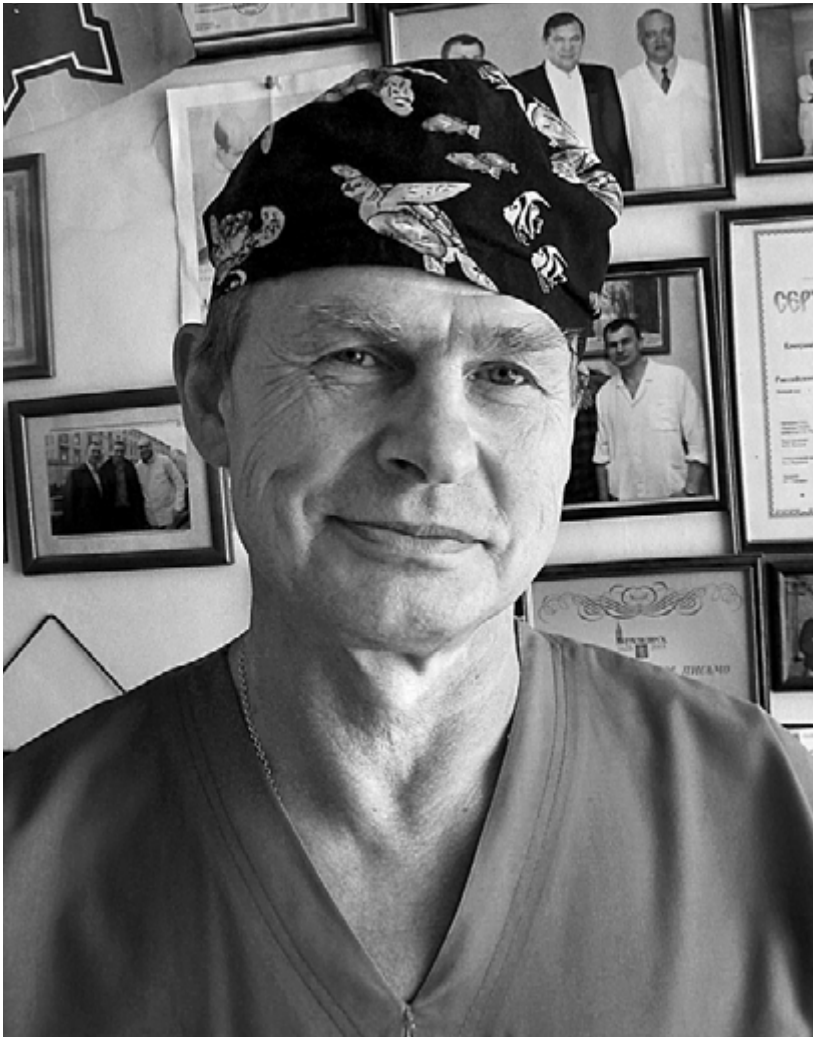
— Таким клиникам по каким-то причинам жить не разрешено в нашем царстве-государстве... Может быть, непосильно, невыгодно... А что касается мысли об уходе из БСМП, то давайте так рассуждать: были 70-80-е годы, мы тогда подрабатывали ночными дежурствами. И если разобраться, было не легче, но ведь мы не ушли никуда, хотя зарплата не хватало. Сегодня некоторые наши доктора уезжают за границу и там остаются. Один

сатые, душу отдать обязаны!». Конечно, кто любит работу, тот остаётся, хотя, бывает, вынуждены уходить доктора, которых по пальцам пересчитать. В своё время так ушёл на административную работу мой наставник, золотой человек — Борис Захарович КОГАН: кожа на руках страдала от частой обработки спецрастворами. Да и у меня, — Брюханов кивает на свои запястья, — два сустава прооперированы: следствие перегрузок. Колени тоже пришлось «подкрепить».

— Где же вы оперировались?

— Что за вопрос? Конечно, в БСМП. Операцию мне делал Олег Александрович ГЕНДИН — один из тех, кто живёт на работе. В своё время именно он к нам в больницу зазвал американских докторов-ортопедов Стива ФИШЕРА и Роберта ШУЛЬЦА. Кстати, методика, которую привёз Шульц, — остеосинтез костей с блокирующими стержнями — позволяет сократить сроки выздоровления после переломов вдвое! Сейчас мы через Интернет постоянно поддерживаем связь, консультируемся друг с другом. Это здорово!

— К слову, об Интернете. Я

ДОСЬЕ

Владимир Иннокентьевич БРЮХАНОВ родился в 1949 году. Один из самых известных травматологов России. За 35 лет работы провёл более шести тысяч эндоскопических операций. У него чинили свои суставы многие известные сибиряки — от спортсменов до первых лиц края (В. Зубов, А. Лебедь). Дочь Анастасия продолжила врачебную династию — стала отоларингологом.

На фото: шапочку от Роберта Шульца Владимир Брюханов надевает, когда идёт на особо сложные операции. Такое суеверие....

мой бывший коллега-травматолог живёт в Мюнхене, получает порядка 200 тысяч долларов в год. А наш врач, даже если он будет в больнице жить, может заработать 170 тысяч рублей в год. Это в лучшем случае...

— Вы тоже подрабатывали ночными дежурствами?

— На протяжении 20 лет. Прихожу на работу к 8 утра, у меня 25 пациентов — это норма на одного врача. Как правило, если ты молодой доктор, то тебе дают не самых лёгких; в основном, больные за 80, асоциальные, с ними тяжело. Есть пациенты с очень сложными травмами, с которыми надо возиться. Перевязал я больных, отдежурил, наступило 4 часа вечера — заканчивается мой рабочий день. Дальше я начинаю, так сказать, подрабатывать. Спускаюсь на первый этаж и занимаюсь экстренными больными. Вот божж, которого привезла милиция, вот человек, упавший с высоты, вот жертва ДТП. В сутки поступает около 14 человек, и я должен их принимать, прооперировать. Всё. Наступило восемь утра следующего дня. И я опять поднимаюсь в отделение, к своим больным. У меня выходных-то нет! Таких дежурств, чтобы хоть чуточку заработать, должно быть как минимум семь-восемь.

Сама работа в операционной — это напряжение и физическое, и умственное. Пока ты молод — организм сам справляется с перегрузками. При этом нам ещё говорят: «Вы, черти поло-

тут у одного блоггера прочитала: «Красноярск. БСМП № 6. Хирург Брюханов. Восстановлением разорванной крестообразной связки колена не занимается».

— Обман! Эндоскопические операции мы начали делать в 1994 году и сегодня оперируем все суставы: локтевой, плечевой, коленный... Наверняка, ещё пишут, что к нам трудно попасть, хотя каждый вторник я веду бесплатный приём больных в четвёртой городской поликлинике. Консультирую, разбираю жалобы. Однажды сто человек в очереди было. У нас всегда много пациентов — работает сарафанное радио. Зять ведёт тещу, теща — соседку, соседка ещё кого-нибудь. И в нашем случае реклама не права: бесплатное вовсе не значит плохое. Спросите хотя бы у Виталия ГЛУЩЕНКО, трижды участника Олимпийских игр по фристайлу. Он оперировался у нас дважды, сейчас тренирует других спортсменов. Через нашу операционную прошли мастера спорта (регбисты, волейболисты, борцы, хоккеисты, биатлонисты), оставили свои автографы ребята из ансамбля «Танца Сибири имени М. ГОДЕНКО», отметились охотники, спецназовцы...

«Помогите собачке, ну что вам стоит?..»

— Ваша профессиональная репутация почти как у мага: «Он всё может». Бывали слу-

чай, когда люди приходили к вам с необычными просьбами?

— Это как в легенде про Пирогова? Якобы принесли ему однажды оторванную голову и туловище солдата и говорят: «Пришей!» Он удивился, а его убеждают: «Вы всё можете...». В моём случае нечто подобное случилось.

Однажды какой-то мужчина прорвался в отделение с собакой на руках, плачет: у собаки сустав рассыпался, он и просит: «Я всё продам, — говорит, — что у меня есть, только замените ему кость». Я ему: «Дорогой мой, ну не умею я собакам операции делать. Есть на то ветеринарная служба».

Вспоминаются и «сказочные» эпизоды: приходит на консультацию мужичок с ноготок (ростом сантиметров 150) и говорит: сделайте-ка из меня красавца двухметрового!

— Вы это серьёзно?

— Раньше подобных операций мы делали много — устраняли последствия полиомиелита: кому-то ногу надо было удлинить, кому-то её пошире сделать. Кость реально моделировать — она ведь живая... Действительно можно, используя аппарат ИЛИЗАРОВА, чисто косметически подрастить человека сантиметром на 15-30. Но когда мы видим, что перед нами не больной, а просто закомплексованный субъект, стараемся отговорить его от операции, потому что бывает много осложнений из-за того, что человек идёт против естества, данного природой.

Наука шагнула, но революции не наблюдается...

Утро для Брюханова начинается с обхода.

Мы идём по коридору, Владимир Иннокентьевич удовлетворённо кивает — вот линолеум новый в этом году постелили, пластиковые окна на днях поставили, теперь тепло держится. Заходим в одну из палат.

— Здравствуйте! Как дела после операции?

— С этой ногой проблема была — отёк, но мне один шовчик убрали, и стало лучше, сегодня спала без обезболивающего, — говорит уже немолодая пациентка с перебинтованными стопами...

— В прошлый четверг сделали операцию, — поясняет доктор. — Женщина хочет быть красивой и здоровой. До операции она не могла подобрать себе обувь, при ходьбе испытывала нестерпимую боль. Мы устранили поперечное плоскостопие — искривление первой плюсневой кости, при котором стопа как бы разезжается в стороны. Наша задача сломать эту косточку, повернуть её внутрь, опустить и в этом положении срастить. Главное пациенту самому выдержать, ведь пока всё срастётся — ждать придётся полгода, но зато потом легко будет жить!

— Это возрастная патология?

— Нет, заболевание передаётся по наследству. И 20-летним часто делаем такие операции.

— У вас была возможность прооперироваться в другой клинике? — спрашиваю больную.

— В первой краевой больнице мне предлагали поставить металлическую пластину, но потом пришлось бы делать повторную операцию по её удалению.

— У нас всё по-другому, мы пользуемся минимальной фиксацией, — просвещает Брюханов. — Скрепляем косточки двумя специальными гвоздочками. Пройдёт шесть недель — и я их легко удалю, без всякой операции.

Есть большая проблема в травматологии-ортопедии — это восстановление гелиинового хряща, который в суставе имеет архиважное значение. На сегодняшний день мы делаем замену сустава на металлический, но это несовершенный метод. Учёные всего мира исследуют тему по замене хряща либо клетками, либо другими материалами (не металлом), но эффективное решение пока не найдено. Когда открытие свершится — произойдёт революция в травматологии.

Другая проблема, которая никак не даёт мне покоя, мешает спать по ночам — протезирование. Если бы я не был практикующим хирургом, то, наверное, стал бы учёным и продолжил дело академика Гавриила Абрамовича Илизарова. В Амери-

ке протезирование доведено до совершенства — люди, у которых нет конечностей, могут полноценно жить. Почему же у нас такое наплевательское отношение? Илизаров начинал свои разработки ещё в 80-х годах. Я своими глазами видел процесс выращивания конечностей по его методу: интересно, красиво и здорово! Помню, ногу тянули, тянули, а потом в нужном месте начинали формировать сустав — это настоящая фантастика, и она была близка к реальности. Но не стало Гавриила Абрамовича, и тема закрылась.

Идём дальше. В коридоре уже выросла очередь на приём к Брюханову, человек десять. Одна из больных останавливает доктора, жалуется, что пришла в поликлинику по месту жительства на перевязку, а ей отказали в помощи, сказали: где вам операцию сделали — туда и обращайтесь. Брюханов успокаивает: «Мы никому не отказываем...»

В следующей палате больной ждёт операции на коленном суставе. Пациент — сам хирург красноярской горбольницы № 5 — болен ревматоидным полиартритом. Доктор Брюханов год назад уже успешно прооперировал своему коллеге правый коленный сустав, а теперь настал черёд левого.

— Иду на операцию с уверенностью, что всё будет хорошо. Абсолютно и безоговорочно доверяю Владимиру Иннокентьевичу — он бог травматологии...

Легко ли быть богом...

— Меня всегда раздражало выражение «обслужить пациента», — возмущается Брюханов. — Я считаю, что врач не обслуживает больного, как робот, а отдаёт частичку своей души.

Часто друзья и знакомые спрашивают, как я восстанавливаюсь при таком напряжении? Разные бывают пациенты и их родственники. Баптисты, например, запрещают врачам делать переливание крови — обходится физрастворами.

Был один курьёзный случай: привезли в отделение юношу 18-ти лет с ножевым ранением (оскорбил кого-то на лестничной площадке). У парня — сложнейшее повреждение дополнительной артерии на бедре, потерял много крови. Оперировали его трое профессоров. Я был лечащим врачом. Мы перелили ему 11 литров крови и спасли жизнь. Но при выписке его мама устроила нам большой скандал по поводу потерянных носков. Жаль, конечно, таких людей...

Но большинство пациентов выписываются от нас благодарностью, и ты радуешься вместе с ними. Один обеспеченный пациент после выписки подошёл и спрашивает: «Доктор, чего у вас в отделении не хватает?». Я говорю: «Пилы маятниковой, очень тяжело без неё оперировать!». И он купил эту пилу за две тысячи долларов, с её помощью мы прооперировали уже более тысячи человек. Ещё очень радует, что рядом талантливая молодёжь: Николай и Константин ТУТЫНИНЫ, Олег ГЕНДИН. Ребята часто ездят за границу, перенимают опыт зарубежных коллег. Теперь уже не они у меня, а я у них начинаю учиться, ведь если перестанёшь идти вперёд — значит, остановился. А остановился — значит, ты уже пошёл назад.

И ещё, вот тут (листает настольный календарь) была у меня одна мудрая запись, что-то вроде — все мы живём будущим, а на настоящее времени не остаётся... С годами организм стареет во всех отношениях: хондроз и артроз — вещи, которые как раз совершаются от бездействия. Мы ждём чудесную таблетку, и нам создадут все условия, чтобы мы её ждали, а надо — как американцы — заниматься собой, не откладывая. Заниматься тем, что нравится, что по силам. Разумное питание, плавание, лыжи, йога, гимнастика... А мы в мегаполисе крутимся, вертимся, зарабатываем деньги, а до себя руки доходят только тогда, когда что-то случается. Это как бы сам Господь говорит: «Слушай, ну хватит уже, займись собой!».

Вера КИРИЧЕНКО

Услышано в приёмной Брюханова

Шестилетний мальчишка спрашивает маму: «Он что, директор мира?». «Почему?..» «Его все так слушаются...»

Уроки математики

Когда его спрашивают, какие ученики лучше — давние или теперешние — он приводит слова Экклезиаста: «Не говори: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости спрашиваешь об этом...». Ему 74 года. Он более 40 лет проработал в школе. Сейчас преподаёт на курсах подготовки к ЕГЭ. А ещё известен многим красноярцам, потому что широко репетиторствует, причём часто учит людей математике бесплатно.

Nomen est omen («Имя — это судьба»)

— Эта картина — подлинник, говорят в приличных семьях не должно быть никаких копий! — перехватывает мой вопросительный взгляд учитель математики Лазарь Михайлович КУЗНЕЦ. — Эту работу Тойво Ряннеля на 40-летие мне подарили друзья. Рассказывали, что когда пришли к художнику — тот первым делом поинтересовался, в какие руки его произведение попадёт? Когда сказали, что в учительские — перестал волноваться.

— Это правда, что вы до сих пор занимаетесь репетиторством и часто — бесплатно?

— Недавно позвонила незнакомая женщина и просила помочь подготовить ребёнка к ЕГЭ, поскольку в Центральном районе репетитор запросил 800 рублей за час. Разве так можно?! Я детям часто помогаю. Все ребяташки, жившие когда-то в нашем подъезде, а у нас 14 квартир, брали у меня бесплатные уроки. Однажды приехала девочка из другого района города, а после занятия говорит: «Лазарь Михайлович, давайте с вами дружить — дайте мне денег на дорогу!». Дал, конечно. С тех пор всегда любого ребёнка спрашиваю: «У тебя на дорогу деньги есть?»

Бывало, что и взрослые обращались за помощью. Когда работал в 57-й школе, однажды во время урока раздался стук в дверь и зашли два работника ГАИ. Оказывается, им срочно нужно было рассчитать радиус поворота. Не мог же я им ответить, что занят, мол, зайдите позже. Но и пойти с ними на место аварии, бросив ребят, я тоже не имел права. Сообразил — показал милиционерам: вот две точки между дугами и расстояние от дуги и до хорды — его вы должны замерить и принести мне результаты. Компромисс был найден.

— Символично, что библейское имя Лазарь как раз означает «Божья помощь»...

— Имя такое досталось мне от прадеда — Лазаря Яковлевича БАРКАНА. Он слыл в Красноярске великодушным жестианщиком и вместе со своими сыновьями покрывал жестью Покровский кафедральный собор, что на улице Сурикова. А вообще он был из сысильных. Мой отец — родом из Польши. В середине 30-х годов прошлого века один из родственников работал в Манском районе учителем труда. Он-то и позвал других: мол, жизнь в Сибири хорошая, земли всем хватит. И мой отец и два его брата тайно перешли границу и приехали в Красноярск. Фамилия Кузнец тоже неспроста — дед в Польше работал кузнецом. У отца, столяра-краснодеревщика, тоже были золотые руки. В семье до сих пор хранятся реликвии — изготовленные им шифоньер и стул. Наверное, это умение с генами передалось и мне: люблю построгать по дереву.

— А от матери Лазарю Михайловичу передалось чувство сострадания, участия в судьбах других, — добавляет штрихи к портрету мужа Ольга Васильевна, тоже в прошлом учитель. — Всего три года проработал он в селе Казачинское, и когда некоторые из ребят его первого выпуска приехали поступать в красноярские вузы, то частенько заглядывали на огонёк в гостеприимный дом по улице Сурикова, где жила мама их учителя и где всегда ждал горячий чай с пирогами...

— Дети частенько приходили в школу голодными. У нас дома всегда оставался хлеб, — вспоминает Лазарь Михайлович. — Жена делала сухарики, а я относил их в школу, насыпал в большую вазу незатейливое

подсоленное лакомство, ставил на стол в классе, и ребяташки уплетали за обе щеки. Школьная дисциплина — особый разговор: сиди не шелохнувшись. Если надо встать и выйти — подними руку, скажи. А у меня на уроке свобода была: хочешь поесть сухариков — встань и возьми. И конфеты ребятам носил.

— А коллеги не обвиняли вас в мягкотелости, непедагогичности?

— Что вы, нет-нет. Я никогда не заигрывал с детьми. Но не было и такого: или ты, или я. Если на уроке уже становилось невмоготу, то говорил нерадивому ученику: сходи попей воды. А чтобы не слишком быстро возвращался, просил: по пути посчитай, сколько окон на этаже.

Родители всегда ходили на собрания, потому что о хорошем я говорил при всех, а если был негатив, то обсуждал это наедине.

Однажды я был просто шокирован: во время контрольной уже немолодая педагог подошла к ученику и увидев, что он написал с ошибками, на глазах у всех порвала его тетрадь. Вопрос: что она получит в ответ?..

Забавно, но в начальных классах я иногда «хватал» тройки, однако школу окончил с золотой медалью. В то время не было такого безумия, как сейчас — чтобы получить серебряную или золотую медаль, ребёнок должен учиться без «четвёрок» в 10 и 11 классе! Я считаю, что выдержать такое напряжение — учиться всё время на «5» — психологически сложно, это очень давит. Поэтому ребятам иногда советовал совсем не то, что другие педагоги. Я говорил: «Получи ты хоть иногда двойку, ну, не выполни ты уроки, раскрепости себя...».

Ответная реакция

— Я никогда не забуду, что для меня сделали ребята самого первого выпуска, — рассказывает Лазарь Михайлович. — Это случилось в 1959 году, когда Казачинский леспромхоз направил старшие классы в лес очищать от сучков поваленные деревья. И я, коренной горожанин, решил показать сельским ребятам, как надо управляться с топором, и так уверенно замахнулся, что разрубил себе ногу почти до самой кости. Но деревенские мои ученики не растерялись: быстро вырубili жерди, перевязали их брьючными ремнями, сверху накидали телогрейки, уложили меня и понесли в село. Помню, как пробирались по заснеженному лесу — парни на ходу прорубали просеку, чтобы покороче дорога была. Меня принесли в школу, наложили швы. А потом самое интересное: школа была двухэтажная, и ребята носили меня на уроки в классы с этажа

на этаж, даже директор удивлялась. Потом ученики доставляли меня домой, потому что сам я ходить не мог, готовили мне еду, и все вместе мы ели из общего котла, как в больших семьях...

Позже, в разгар лета 1967 года, под Красноярском на даче меня укусила гадюка, и я с осложнением попал в стационар. Как об этом прослышали мои ученики? Все 20 дней, пока я там лежал, они приходили к больнице, а поскольку в палату их не пускали, то время от времени мы перекликались на расстоянии.

— Лазарь Михайлович, говорят, ученик считает до каникул дни, а учитель — часы. А вы более 40 лет отдали школе — и не было искушения распорядиться иначе своими способностями?

— Однажды, когда работал в Казачинском, в школу приехал преподаватель из Енисейского педагогического института Александр Иванович ДРОКИН. Побывал на моих уроках и принялся агитировать: бросай школу, поедem в институт — там защитишь кандидатскую, займёшься наукой. Но я не принял это предложение.

— Почему не воспользовались шансом?..

— Учителю часто желают хороших учеников, а плохих кому? Наверное, я понял, что есть гораздо более значимые ценности, чем погружение в науку... Хотя именно тогда в школе всякого формализма было не в меру.

— Что вы имeете в виду?

— Например, меня уговаривали вступить в партию, чтобы потом стать директором школы. Обещали: вступишь — сразу дадут 4-комнатную квартиру. Но совет не позволяла это сделать, да и жена не настаивала. Когда я преподавал в 57-й красноярской школе, у меня в классе учился сын Владимира Прохоровича КАПЕЛЬКО, в те годы — первого секретаря Красноярского горкома КПСС. Жили мы тяжело, в однокомнатной квартире с двумя маленькими дочерьми. Я знал: стоит только обратиться к высокопоставленному родителю, и моя жилищная проблема будет решена, но никогда я не просил такой помощи. Позже, когда стал завучем, получил, наконец, хорошую квартиру.

Бывшие ученики Л.М. Кузнецова: генеральный директор филиала МЭС Сибири Самуил Зильберман, Сергей Харин — военный прокурор, Денис Махотин — врач, Лариса Войтенко — завуч в лицее № 10, Наталья Большакова — директор 30-й школы и др.

Модернизация математики

— Вы работали и при социализме, и при перестройке. Как

коллизии в обществе отражались на преподавании в школе? Хотя, математика — вне идеологии...

— Ой, не скажите... При советской власти, помнится, вышло постановление ЦК КПСС о преподавании геометрии.

— Какое дело было партии до преподавания точной науки в школе?

— Геометрия учит логике: малейшее выпадение из цепи рассуждений — и всё рухнет. Очевидно, партии было важно, чтобы логичность, стройность геометрических заданий проецировалась на весь образ жизни советского человека. Постановление, по сути, было инструкцией, содержащей указания, как следует преподавать геометрию в школе. Формально документ как бы повышал внимание к предмету, но никакого развития не последовало. Учителя продолжали пользоваться единственным учебником по геометрии А.П. КИСЕЛЁВА, и по нему отечественные школьники изучали предмет более 60 лет.

— Сейчас, в век «цифры», и преподавание математики, наверное, должно в корне измениться...

— Предмет и в самом деле преподаётся иначе, чем, скажем, 20 лет назад, когда не было интерактивных досок и видеосвязи, а мы пользовались кодоскопом и эпидиаскопом. А посмотрите, какое теперь разнообразие учебников! Причём к каждой теме подобрано множество задач и дидактического материала. Но вот геометрия, к сожалению, в загооне. Почему? Причин вижу несколько. Планиметрия заканчивается в 9 классе (далее — стереометрия, т.е. решение геометрических задач в пространстве, нахождение объёмов, поверхностей), в 10-11 классах она совершенно не рассматривается, а на ЕГЭ — выносятся. Часть задач в учебниках отмечена звёздочками, и в категорию необязательных попали именно задачи по геометрии. Но раз эти задачи на оценку никак не влияют, то и педагоги, и ученики их игнорируют. В результате геометрия начала «выпадать в осадок»... Радует, что в последнее время в прессе всё чаще поднимается эта тема. Например, в газете «Первое сентября» (№ 21, ноябрь 2010 г.) опубликована статья о роли геометрии и проблемах её изучения в средней и высшей школе. Мне очень нравится учебник по алгебре Андрея Николаевича КОЛМОГОРОВА, который в своё время писал, что многие его открытия были вызваны к жизни неожиданной возникшей геометрической картинкой. Вот она — сила пространственного воображения!

— Если считать методики преподавания в школе, то, боюсь, пальцев на руках не хватит. В учебниках по системе развивающего обучения Занкова или Эльконина-Давыдова зачастую и родители не понимают формулировок в заданиях...

— В школе, где я работал, в начальных классах использо-

вали эти системы. Родители, действительно, жаловались. Эти системы применяются только в начальной школе, а в старших классах, особенно если говорить о математике, техники уже другие. От ребят требуются не рассуждения в духе «мне кажется» или «мне кажется», а точные формулировки и решения. Поэтому получается разрыв между начальной и средней ступенями.

— В конце 90-х воображение и учителей, и учеников захватила система ТРИЗ (теория решения изобретательских задач). Однако, несмотря на то, что новшество называли системой 21 века, применяется она только в некоторых школах. Почему?

— Как у нас часто бывает — хорошее дело не могут организовать. Ведь чтобы эта система прижилась, нужно подготовить учителей, умеющих проводить занятия по ТРИЗ, разработать учебные программы... Ребятам и мне самому этот метод очень нравился. Мы частенько использовали мозговой штурм на уроках. Ставишь задачу, и потом каждый высказывает свои мысли, идеи — может, на первый взгляд, абсурдные...

С наиболее сильными ребятами мы занимались по методу Р.Г. ХАЗАНКИНА, использовали коллективный способ обучения В.К. ДЬЯЧЕНКО и опорные конспекты В.Ф. ШАТАЛОВА. Мне нравилось развивать межпредметные связи — проводить одновременно урок математики и физики или математики и химии, математики и астрономии. Особенно совмещать свой урок с информатикой, ведь многие графики можно моментально построить с помощью компьютера.

В своё время меня приглашали работать на радиотехнический завод именно программистом на ЭВМ, но потом выяснилось, что мой отец — из репрессированных, и на «секретное» предприятие меня не взяли...

— А роль учителя за это время насколько изменилась?

— Когда я в начале 60-х стал работать в Красноярске, повсюду в школах висел лозунг: «Нет плохих учеников — есть плохие учителя». И подписи под ним: Надежда Константиновна КРУПСКАЯ. Но она никогда этого не говорила! Изречение, немного в другом виде, принадлежит Белле КАУФМАН — внучке известного писателя ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА. Из-под её пера в своё время вышел полуавтобиографический роман «Вверх по лестнице, ведущей вниз». При написании его она использовала свой богатый педагогический опыт.

В этом романе есть фраза: «Нет плохих учеников — есть неумелые учителя». Почувствуйте разницу: неумелые — подразумевается, что их можно научить. Но с лёгкой руки идеологов КПСС все учителя были зачислены в категорию плохих. Слава Богу, что в наши дни этот лозунг сняли...

Более чем за 40 лет работы в школе Лазарь Михайлович Кузнец получил две награды: значок «Победитель социалистического соревнования» по итогам 1979 года («до сих пор не знаю, кого я победил и с кем соревновался») и значок «За отличную работу с пионерами», хотя работал с ними учитель всего несколько месяцев. Что было, то было. Меняется время, идеология, люди вокруг... Моя знакомая учительница — школьный преподаватель русского языка и литературы — как-то сказала: учителя так запуганы, что нас можно узнать в толпе даже по взгляду. Наверное, это всё-таки преувеличение. Боялся ли кого-то в своей жизни Лазарь Михайлович? Возможно, онособому понимал роль учителя и поэтому просто оставался самим собой...

Наталья КУЗНЕЦОВА

Мы и наш фольклор: суженое или ряженое?

Когда отмечается национальный праздник где-нибудь в Шотландии, Латвии или Чехии, чуть не половина населения выходит на улицы в национальных костюмах. У нас всё иначе: надеть сарафан или понёву (хотя где их, собственно, взять?) — это маскарад, «ряженность». То есть мёртвое. Однако если вдруг случайно услышишь народную песню в исполнении деревенских бабушек, или увидишь танец, или возьмёшь в руки настоящую вепсскую куклу-оберег — это цепляет на каком-то подсознательном, а может, генетическом уровне... О том, живёт ли в нас народное начало и нужна ли людям электронного века традиционная культура предков, мы беседовали со Светланой КАЛИНИНОЙ — фольклористом, кандидатом филологических наук, заведующей отделом Государственного центра народного творчества Красноярского края.

Танец живота и лесные черти

— Светлана Валентиновна, расскажите, чем занимается ваш центр?

— Курирует все виды и жанры народного творчества; то есть это хореография, пение, игра на музыкальных инструментах, живопись, декоративно-прикладное искусство и так далее. Мы проводим конкурсы, фестивали и выставки, работаем с учреждениями культуры клубного типа в крае, фольклорными ансамблями и другими художественными коллективами. Издаём еженедельник «Клубный репертуар». Кроме того, центр занимается повышением квалификации клубных работников: проще говоря, даёт методические рекомендации, как строить свою работу с населением и художественными любительскими коллективами. Надо сказать, с последним всё непросто.

Народ, как известно, одновременно и творец, и потребитель культуры. Так вот, в последнее время люди не очень-то рвутся что-то создавать. Предпочитают разучивать, к примеру, восточный танец живота, вместо того чтобы исполнять подлинный народный танец. Хотя танцы Востока требуют не только совершенно другого менталитета, но и иного физического облика, пластики. Чаще всего со стороны получаются очень смешно. А ведь в отличие от этого народный танец удобен для тела, органичен...

— А почему создавать не хочется? Лень?

— Телевидение всё настойчивее навязывает нам представление о счастье, которое отличается от того, что заложено в канонах традиционной культуры. О ней «из ящика» не говорят практически ничего, а если и говорят — можно умереть от скуки. А ведь народное творчество — очень радостное занятие! Мы пытаемся рассказать об этом. Так, в центре есть Школа традиционных технологий. Мы открывали её для руководителей фольклорных ансамблей, но теперь проводим для всех желающих. Люди приезжают на занятия изучать разные виды прикладного творчества даже из соседних городов.

Как раз традиционная культура — это то, чем я предпочитаю заниматься. Провожу семинары на разные темы — «Народный костюм как система», «Планирование деятельности клубных учреждений на основе народного календаря». Рассказываю о моих любимых мифологических персонажах.

— Кто они?

— Домовые и банники, например, ведьмы и колдуны, лешие и прочие черти. Занимаюсь этим ещё со времён диплома, который назывался «Мифологическая проза Красноярского Приангарья».

— Что вообще повлияло на ваше решение заниматься фольклором? Может, какие-то повороты судьбы, знаковые встречи? С тем же домовым.

— Увы. Я прагматик, в повороты и знаки судьбы не верю. А увлечение народным творчеством началось с детства. Каждый год летом я жила у своей тёти в деревне Большая Салба Идринского района. Тётя замечательная рассказчица, знает много историй из жизни деревни. Она говорила так: «Про каждого человека можно написать целую книгу». И она права. Так что любовь к интересным историям у меня в крови, куда деваться. А затем уже в пединституте, на филологическом факультете, мы поехали на фольклорную практику в Мотыгинский район. Каждый тогда должен был «выполнить план»: сдать, кажется,

100 частушек, 20 песен, сколько-то там поговорок... А потом была студенческая конференция, и мне поручили обобщить все собранные былички — мифологические рассказы о сверхъестественном. Вот откуда банники и домовые, ведьмы и знахари. Позже они стали и героями моей диссертации: «Персонажи освоенного пространства в мифологической прозе Красноярского края».

— Освоенное пространство — это как?

— Это где человек постоянно находится и не боится. Дом или деревня. А вот лес или озеро — это уже неосвоенное, туда приходят на время, испрашивая разрешения у местных духов, и с очень большими предосторожностями остаются на ночлег.

«Бабские запuky» и эпическое сознание

— Город — тоже освоенное пространство? Сказочной нечисти в нём точно не место...

— А с этим можно поспорить. Мифологические представления вечны, и неважно, где ты живёшь — в деревне или в городе. Вот, например, когда начинаешь рассказывать былички, студенты или другие слушатели спрашивают: «А это правда?», «А кто в это верит?». Сами же во время сессии «ловят халыву» и совершают массу других мифологических действий. Мифы были, есть и будут. Меняются только персонажи. Ведь у человека недостаёт индивидуального опыта для философского осмысления мира, и требуется обращаться к опыту коллективному. Свадьба, беременность, рождение детей, похороны — всё в нашей жизни пронизано тем, что не так давно называли суевериями. Это часть нашей традиционной культуры. Просто отношение к этому у всех разное.

К примеру, женщины сообщают о своих мифологических представлениях более охотно, а мужчины относятся к ним скептически, для них это «бабские запuky». Но это только видимость. Не зря же существуют целые разделы мужской магии — неписанные правила, как вести себя на охоте, на рыбалке. Да достаточно вспомнить автомобильные суеверия. Есть свои верования и у компьютерщиков, об этом есть научные статьи. В общем, у каждого человека — свои мелкие мифологические уловки, обеспечивающие индивидуальное благополучие.

— А у вас они тоже есть?

— Да, несмотря на прагматичность. Например, когда уезжаю в отпуск — благословляю дверь, а в лесу произношу заговор от клеща и змеи. Пока помогает!

— И всё-таки каково отношение русских к своему фольклору: для нас это предмет гордости или безнадежно устаревшие

знания и практики? «Распалась связь времён» — можно ли утверждать это применительно к нашему обществу?

— И да, и нет. С прошлым растаться не так-то просто. Конечно, есть жанры, которые устарели, исчезают или уже исчезли. Например, лирическая песня. В каждой деревне было не меньше 20 своих сюжетов лирических песен. Их исполняли протяжно, неспешно, действие в такой песне развивалось медленно — так ведь и жили наши предки размеренно, без суеты. Но традиционное эпическое сознание — оно изменилось сегодня.

— И какое оно у нас теперь?

— Быть может, драматическое... Наше сознание — это анекдот. Мы привыкли к сюжетности, к эмоциональной перегруженности. Хотя и раньше существовали такие, например, жанры, как баллада или жестокий романс, которые заменяли нашим предкам телесериалы.

Исчезновение лирической песни — самый яркий пример. Или взять частушку. Не верьте, что этот жанр процветает. Треть сборников — не народное творчество. Куллеты о политике все придуманы. Женщинам интересно о милёночке, о злой свекрухе и совсем не о Берии.

Повторюсь, меняется сознание. Раньше нельзя было потреблять, не производя. Потребительское отношение не свойственно эпическому сознанию. Фольклор не рассчитан на зрителей и артистов — он подразумевает соучастников. Как исполнялись песни? Были запевалы, за ними подхватывали все присутствующие. Впрочем, это долгий разговор, народное песенное исполнительство — это целая система. Теперь люди просто сидят перед телевизором и слушают...

— А в телевизоре — Надежда Бабкина...

— Да, и она, и другие артисты, которые занимаются стилизацией народного искусства. Увы, это уже не подлинник. Плохо не то, что они так делают. Плохо то, что нам не оставляют возможности выбора между подлинным и стилизованным: с экраны мы видим только последнее.

Вселенная в одежде и семейное счастье

— Почему нам даже в голову не придёт надариться на праздник в национальную одежду?

— Думаю, именно потому, что мы устали от фальши. Нам всегда втюхивали под видом

Вообще, русская национальная одежда, опять же, отражение ушедшего сознания, примета иного образа жизни. В сарафане не побегаешь по лестницам. Попробуйте походить весь день в длинной рубахе, сразу всё поймёте про бытовую жизнь предков. «Словно павушка плывёт» — это уже не про нас. Кончилась степенность — не нужна и одежда, которая к ней располагала. Никто уже не выстраивает «Вселенную в образе человека», как раньше.

— В этом контексте Вселенная — это про одежду?

— Да, ведь народный костюм — это целая система. Обязательным в женском костюме были рубаха, сарафан или специальная юбка, головной убор, пояс, навесные украшения — обереги. Если чего-то не хватает — значит, нечистой силе открыт доступ к вашему телу, вы уже «не от мира сего». Ходишь без пояса — обвинят в колдовстве, без головного убора — в ведьмовстве или нарушении нравственных законов: «Охрани от девки-двоемки, от бабы-простоволоски». Важны были и цвет, и нанесённые на одежду узоры-символы. А у нас, создавая, например, костюмы для фольклорных коллективов, об этом часто не задумываются.

Взять кокошник, который символизирует небесный свод и путь солнца по небу. Это праздничный убор невесты и молодой замужней женщины, который они надевали по праздникам. А у нас в кокошники обрядуют пожилых участниц фольклорных ансамблей.

Надо знать свою историю. Положительные герои, вспомнить хотя бы хоббитов Толкиена, всегда имеют историческую память, отрицательные — заняты созерцанием своих достоинств. Человека надо с детства учить жить внутри традиционной культуры.

— Каким образом?

— У нас в городе есть фольклорные ансамбли при музыкальных школах. Есть «Родничок» в ГорДК, куда берут всех желающих. Там же работает школа этнической социализации. Есть мастерские народных ремёсел, в Дивногорске, например, работает мастерская «Параскева Пятница». Есть школа в ДК им. 1 мая. Дети, которые занимаются в таких студиях, развиваются всесторонне — они поют, танцуют, учатся работать руками, ткать, вышивать. Традиционная культура даёт всестороннее развитие. Но даже не

это главное. Современные дети часто предоставлены сами себе: родители на работе, братьев и сестёр нет, остаётся один телевизор. Занятие в фольклорных коллективах социализует, учит традиционным мужским и женским ролям.

— Что-то уже подзабылись эти роли...

— Конечно. Как было раньше: баба и кошка в доме, мужик и собака на улице. Мужчины обеспечивали выживаемость рода, женщины «отвечали» за воспроизводство культуры, быта, образа жизни.

Сейчас основными добытчицами стали женщины. Хотя по-прежнему справедлива пословица, что «это у плохой жены муж на печи лежит, хорошая стонит». Знание о традиционных гендерных ролях — залог семейного счастья. Традиционная культура вообще нацелена на то, чтобы сделать человека счастливым.

Сват кролик и советская Снегурочка

— А нетрадиционная? Как вы, например, относитесь к тому, что в сознании современных людей уживаются китайская мифология, языческие суеверия и православие? Что из этой смеси может родиться дальше?

— Ко мне недавно обратились из одной телекомпании. Вот, говорят, наступает год кролика. А кролик в русской традиции — символ сватовства, расскажите об этом подробнее. Всё в кучу. Ну, во-первых, не знаю, где они нашли такой компромат на кролика: в нашем фольклоре есть разве что заюшка — символ девки, достигшей брачного возраста. А во-вторых... За тысячелетие крещения Руси мы так и не стали стопроцентными христианами. Представим человека как «куклу в разрезе». На 90% он состоит из «глины» — дохристианских представлений. Ещё процентов на 9% — христианские установки, «земля». А то, что сверху, — «пыль», которой мы умудрились нахвататься. Тут и китайские гороскопы, и лозоходство, и друиды, и всё прочее. Китай успешно продаёт нам свою мифологию. И другие продают. Почему, например, так хорошо приживаются у нас католические праздники, такие как День святого Валентина? Потому что это отлично сделанный готовый коммерческий продукт.

Что будет дальше? Поверх уже имеющихся пылевых слоёв появятся и другие. Вот и «Великий Устюг — родина Деда Мороза» — тоже коммерческое решение, а не культурный подлинник.

— Кстати, про Деда Мороза и Новый год. Что интересного есть в наших новогодних персонажах и традициях с точки зрения специалиста по народному творчеству?

— Много интересного. Но к народному творчеству это имеет мало отношения. Вот у ёлки новогодней — да, древние корни, её образ восходит ещё к мировому дереву. Вообще же Новый год в традиционной культуре означает прежде всего обход дворов с колядками, гадания, обязательное веселье по вечерам в Святки, или святые вечера. Тандем Дед Мороз и Снегурочка — это подарок советской власти. На Руси был Морозко как воплощение зимней стужи. Он же потом у ОДОВСКОГО стал Морозом Ивановичем. Дед Мороз уже был известен как новогодний герой в начале XX века, но знакомый нам образ утвердился только после того, как в 30-е годы в СССР разрешили праздновать Новый год. Чуть позже его спутницей стала и Снегурочка — единственный в мире женский новогодний персонаж. Кем она Морозу приходится, сложно сказать. Не то внучка, не то дочка. Сам образ девочки из снега встречается в народных сказках, но по-настоящему оформился у ОСТРОВСКОГО в его пьесе. Конечно, за Снегурочку ему спасибо. Но он, злодей, Ярилу сделал богом Солнца...

— А какой это бог?

— Плодородия, весны. Однако в представлении большинства с подачи Островского он — бог Солнца. Ведь авторское творчество — самое презентационное, то, что лучше всего западает в сознание. Что бы мы знали о мифах древних греков, если бы не Гомер?

— Не было у нас своего Гомера, вот и путаемся в славянских богах?.. Интересно, как наши предки верили на самом деле...

— Очень интересно. А знаете, кто первым ринется путешествовать в прошлое, когда изобретут машину времени? Военные — чтобы решить исходы сражений в свою пользу. Историки. И ещё фольклористы — слушать, узнавать, записывать. Вот это будет экспедиция!

Татьяна АЛЁШИНА

Они сильные. Но им нужна помощь

В день нашей встречи на улице было —32°C, городские автобусы походили на лифты Министерства тайн, а белый пар обжигал глаза. В такую погоду из дома и обычному человеку выйти страшно, что же говорить о тех, кто не очень уверенно передвигается в пространстве... Владимир Алексеевич ХОДЫРЕВ приглашает меня на кухню и старательно потчует чаем с вареньем и хлебом с маслом.

В мороз, говорит он, обязательно нужно есть масло. Сам он в такую погоду никуда не выходит — холодно и скользко. Он — инвалид 1-й группы, с трудом передвигается по квартире на костылях, но хранит удивительную бодрость духа, говорит уверенным голосом человека, который готов работать, творить, общаться и быть полезным. Он делает это даже с БОЛЬШИМ энтузиазмом, чем обычный человек. Сила духа — всякая компенсация за суровое ограничение.

— Я знаю, что вы сотрудничаете с «Городскими новостями». У вас там есть целая страничка — «Мы вместе». Расскажите, как так получилось?

— Это даже не страничка, а целый пресс-центр, которому 15 лет исполнилось. Сейчас им руководит ПРУТКОВА Валентина Ивановна, а основателями были активные инвалиды А.Н. КУЛИКОВ, Э.С. БЫСИК, В.Я. КОВЯЗИН, поддерживал нас П.А. МОЛЧАНОВ, инвалид и депутат Городского совета. Сначала просто туда приходили люди, жаловались на свои проблемы в надежде, что кто-то за них со всем разберётся. А кто разберётся, если все такие же инвалиды? Поэтому сами звонили по инстанциям, консультировались у юристов — в общем, учились решать проблемы самостоятельно. Наши опусы сначала правил в свободное время Валерий КОВЯЗИН, журналист. А потом как-то сказал — это сколько же я за вас писать буду? Сами пишите! Так понемногу наш пресс-центр превратился в место, куда стали стигаться инвалиды-авторы. Мы между собой условно распределили темы, и ко мне как-то прилипли «социальные вопросы». Я ведь всё это проходил — лежал в больницах, читал законы, получал инвалидность.

— В центре каждого материала, получается, человек, который справился со своими трудностями?

— Обычно, да. Про таких людей обязательно нужно рассказывать. За пятнадцать лет через пресс-центр их прошло множество. Многие поначалу всего боялись. А вдруг обо мне плохо подумают? Вдруг на меня станут пальцем показывать? Вот, скажем, есть у меня знакомая, у неё сложное заболевание. Она уже сама выйти не может, а в коляске — не хочет (чтобы её не называли «колясочницей»). Кто-то не встаёт на костыли — боится пересудов, что на него будут смотреть, как на инвалида. И эта внутренняя скованность держит людей в закрытом пространстве; они сидят безвылазно дома и ещё больше закуривают себя, как в коробке, отдаляются от людей.

Другие считают, что у них ничего не получится. Расскажу такую историю. У меня в соседнем дворе гараж с машиной, с ручным управлением. Как-то раз я на коляске туда еду, а навстречу мне идёт знакомый инвалид. Смотрит на меня и говорит: «О, тебе хорошо!мотри, у тебя коляска есть, у тебя машина есть, а у меня ничего этого нет». А он идёт с палочкой и чуть-чуть прихрамывает. Я понимаю, что человек сказал это не со зла, а потому что он просто не понимает, как ему всё это получить. Такая заикленность на себе приводит к тому, что и внутри сообщества инвалидов нет взаимопонимания. А ведь если человек хоть чуть-чуть поднимет голову, то увидит, что вокруг него живут люди, и есть на кого посмотреть и примериться.

— Для этого и создавался пресс-центр? Показать на примере того, кто проблему решил, как её может решить другой?

— Именно. Объединить инвалидов, дать им высказаться. Инвалид не отличается от среднестатистического гражданина ничем, просто каждый шаг

ему даётся с большим усилием. Может ли инвалид справиться со всеми проблемами? Может. Но самостоятельно, без чужой помощи — это трудно. А когда что-то не получается, внутри появляется осадок неудовлетворённости, безнадёжности, который может превратиться в зависть. А зависть не плодотворна.

— Удаётся пробудить в своих читателях жизненные силы?

— Не всегда, но удаётся. Первое и самое главное — это общение. Растормошить, подтолкнуть к этому общению — наша задача. Впрочем, важно, и как именно оно будет протекать. Если встретились и вдарили по пивку... Вы знаете, сколько в Красноярске инвалидов-алкоголиков? Выходишь, бывало, из подъезда. Здорово-здорово. Пять рублей дашь? Отвечаю: на водку не дам. — А мне хлеба купить... Я завожу его в ларёк, покупаю булку хлеба, пачку «Примы» и спички. Теперь больше не просят...

Общение, по-моему, сродни бегу: чем умнее, сложнее собеседник, тем крепче «мыслительные мышцы». Помню, на день св. Пантелеймона в пресс-центре запланировали акцию — съездить в одноимённый храм при 20-й больнице. Написали письмо в епархию. Архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний нас поддержал, решил благословить инвалидов и сам служил молебен. И тогда пришла в голову мысль — создать Ассоциацию православных инвалидов. Для того чтобы вытащить «великих сидельцев» из квартир. Ассоциация организовывала поездки инвалидов по святым, историческим и куль-

тура шла месяца два. Сначала нас и слушать не хотели. А в итоге — отступили.

— Часто приходится напоминать о своих правах чиновникам?

— Постоянно. Если взять публикации нашего пресс-центра, то вопрос с пандусами в госучреждениях, переходов для слепых на городских дорогах мы пытаемся решить уже лет десять. Сколько писали об автобусах — я сам писал — и наконец-то появились три автобуса с подъёмниками. На весь город. Находятся в реабилитационном центре для инвалидов. Если куда-то ехать, заказывать их нужно минимум за неделю...

Вот проблема с проездом в городском транспорте, с этими социальными картами. Например, я — инвалид 1-й группы, и у меня есть социальная карта. Сам я в общественном транспорте ездить не могу, но мог бы с моими бумагами отправить знакомого человека. Он собирается, я ему даю деньги, и он едет — а соцкарта лежит. Но я ведь имею право на бесплатный проезд! Я обратился с этим вопросом в наше краевое правительство, потом в соцзащиту. Мне оба раза ответили — так не полагается, закон такого не позволяет. Мы будем обсуждать этот вопрос в Координационном совете, привлечём юристов — и это дело не оставим. Обязательно добьёмся, чтобы краевые законодатели приняли соответствующую поправку, и мы могли делегировать своё право на бесплатный проезд человеку, обслуживающему инвалида.

— Наверное, с течением времени вам стали писать и звонить всё больше и больше?

турным местам Красноярского края. Знакомились с природой края, ездили в мужской монастырь в Удачном, в Енисейск два раза совершали паломничество, были на святом Монастырском озере. И сейчас в городе в среде инвалидов говорят о создании специализированного бюро путешествий для инвалидов. А почему бы и нет — нужно дело.

— В крае много общественных организаций для инвалидов?

— О, очень много. Может быть, мои данные устарели, но более трёх тысяч, самых разных. И созданы они для разных целей. Вот общественная организация «Щит», например, занимается детьми-инвалидами. Я руководит Надежда КУЛИКОВА — она сама инвалид. Всего и не вспомнишь, что они для детей придумывали: и Масленица с блинами, и по Енисею на теплоходе ходили, в Роев ручей, в цирк, и на «Бузим» со специальной программой ездили, там и музыка, и рукоделье, и рисунки...

Есть такая структура как Координационный совет инвалидов. Это тоже в какой-то степени реабилитационная организация. На совете совместными усилиями инвалидов, представителей общественных организаций города и городских властей обсуждаются «инвалидные» проблемы. На повестку выносятся самые разные вопросы. Когда несколько лет назад людей принудительно перевели на повременную оплату телефонной связи, мы подняли эту проблему. Собрали всех.

— В последнее время — мало. За этот год не писал почти ничего — у меня старый-престарый компьютер, почти не работает. Если бы была у города программа социальной, трудовой реабилитации инвалидов на дому, помогли бы с новой техникой... Сейчас работает программа обучения детей инвалидов через Интернет. Я понимаю, несравнима моя забота и насущная потребность ребёнка в обучении — это его будущее, это будущее страны, у города для всех компьютеров нет. Но ведь я бы мог с этим компьютером что-то делать! Пробую собрать деньги сам, чтобы купить, и уже как-то собирал... Но потом пришлось проходить техосмотр для машины, и туда улетела почти вся накопленная сумма. А так до сих пор, конечно, некоторые звонят, спрашивают — что у тебя нового? А что у меня нового? (Усмехается). Сейчас в городе идёт соревнование за самый нарядный двор. Вот, могу лишиться гаража, и тогда машину девать будет некуда. Тогда я вообще буду сидеть, прикованный полностью. Машина — это мои ноги. И я не одинок, во дворе у нас целый индивидуальный гаражный кооператив.

— Слушаю вас, и складывается впечатление, что власти вообще ничего не делают. Всё, что изменилось в лучшую сторону, было сделано по инициативе снизу! А как же эти хваленые социальные программы — федеральные, краевые, городские...

— Понимаете, краевые программы работают... но для людей, которые сидят дома и ничего не знают, их как бы и нет вовсе. Они остаются в стороне. Знакомый инвалид недавно хвастался, что купил себе в магазине лыжную палку, чтобы ходить было удобнее. Он даже не знает, что может бесплатно себе трость заказать в поликлинике у хирурга! Программы работают, на них выделяют деньги, но работа идёт где-то там. Мне иногда звонят: «Здравствуйте, вы председатель Общества?» Нет, я не председатель... Они считают меня какой-то большой пишкой. А я ведь такой же инвалид, как и все. И обращаться они должны не ко мне, а в соцзащиту. Спрашиваешь их об этом, а в ответ: «Да я позвонил, а меня там облаяли...». И дело не в том, что женщина, которая сидит на телефоне, груба. Ей много звонят, она не может всех выслушать, ей нужно конкретно говорить, что тебе надо. А какая-нибудь бабушка начинает рассказывать и про соседа, и про жизнь свою, и чтобы её понять, нужно выслушивать её полчаса, причём в результате — там простейший вопрос.

— Но вот вы ведь — чрезвычайно подкованы с правовой точки зрения...

— Я просто всегда спрашиваю и слушаю, вот и всё. Да и во всех обществах инвалидов есть юристы, и в соцзащите есть, и в пенсионном фонде. Любкой человек, если он позвонит и коротко и чётко задаст свой вопрос — получит ответ. Но у нас не умеют спрашивать. Ещё в Интернете всё есть. Я просто активен, а другой нет. Хотя даже активность не всегда помогает.

сам вынужден держать руку на пульсе. Социальная реабилитация от государства должна быть навязчивой! Но она столь ненавязчива, что... Эх.

— Нужен толчок от государства?

— Конечно. Но иногда оно толкает в обратную сторону. Вот я — инвалид 1-й группы. У меня не работают ноги и почти не работают руки.

Себя обслуживать я не могу. Ходить я тоже не могу. Но у меня есть голова! И я могу работать этой головой, какая-то работа мне доступна! А работа — это ведь и социальная, и психологическая реабилитация!

Но тут начинаются рогатки — если будет дополнительный заработок, снимут уход, субсидии. Как-то работал в организации, занимавшейся металлическим ломом. Раз в три месяца обзванивал различные компании, составлял статистику цен на вторичные металлы, а они на основании моих таблиц вырабатывали ценовую политику. При этом организация экономила, обходясь без штатного работника. А потом вышло очередное постановление: или льготы, или зарплата; стимул работать у меня пропал — получаются одни и те же деньги. Понимаете, сколько умных ребят сейчас бездействуют? А ведь по статистике в нашей стране на 1 больного человека 1,2 работающих. Кто этих больных кормить будет?

— Жуткая статистика.

— В 2008 году я на прямую линию президенту позвонил и задал вопрос как раз об этом. Россия подписала Конвенцию о правах инвалидов, там нет деления на трудоспособных или нетрудоспособных. А у нас инвалиды 3-й группы работу не найдут! Что тогда говорить о 1-й группе? Вопрос к президенту попал, и начался страшный переполох.

Мне ответили все организации, какие только есть. Министерство здравоохранения, министерство соцобеспечения, министерство образования, министерство по труду. Огромная пачка писем до сих пор хранится. Знаете, что они все заявили? Мы не нарушаем, мы вас защищаем: вы будете работать и тем самым подорвёте своё здоровье. А ещё мне вспомнили всё, что когда-либо делали: сколько давали мне помощи, на какие курорты я ездил, какую пенсию получаю — всё мне напомнили до последней копейки.

— Но на вопрос, выходит, не ответили.

— Почему же. Если хочешь — пиши заявление, переходи на вторую группу инвалидности и работай. Палка о двух концах. Но представляете, как бы было хорошо, если бы всё было иначе? Если ты инвалид 1-й группы, то получай свои льготы. А если можешь работать — ещё лучше. Я бы нашёл свой маленький кусочек и прирабатывал. И мне хорошо, и государству. Здоровый не везде пойдёт, в конце концов, за две тысячи в месяц... Даже студенту это неинтересно.

— И как же тогда быть инвалиду, который, как вы разились, хочет быть не хуже других? Как ему отстоять своё место под солнцем?

— Корень всего — в человеческой психологии. Необходимо помочь человеку понять, что он умеет, тогда появится мотивированное желание. И для этого нужна социальная реабилитация, трудовая реабилитация, психологическая реабилитация.

Инвалиды — люди сильные и целеустремлённые, но без помощи нам никак не обойтись. Эту помощь может обеспечить государство, общественные организации, просто добрые и отзывчивые люди. Но государство весьма равнодушно, а помощь его носит заявительский характер.

Организации работают только с ограниченным кругом лиц, своими членами. А соцзащита — одна на всех... И только если ты более-менее настойчивый человек — это долго, это сложно, но пробиться можно. А других — надо расшевеливать.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Денис Солдатов: «Я никогда не занимался тем, что мне не нравится»

С Денисом СОЛДАТОВЫМ я сначала познакомилась, как с «Алексеем Хабаровым». Это у него такой творческий псевдоним в Сети. Потом встреча произошла в «реале», когда представители одной из Интернет-тусовок Красноярска вместе отмечали юбилей своего форума. Тут выяснилось, что Денис — хороший человек и собеседник. (И адвокат! — как корыстно я себе отметила).

Потом мне нужно было прояснить юридический вопрос с квартирой. «Да ты позвони ему, не бойся, — уредила меня общая знакомая. — Он обязательно поможет». И действительно, Денис Валерьевич растолковал дело так, что даже я — юридически безграмотная женщина, которая боится всяких слов типа «презумпция», — всё поняла. Далее я со стороны наблюдала процесс по делу «митинга» владельцев праворульных машин. Из него владельцы и их адвокат Солдатов вышли победителями. Он интересен не только своим профессионализмом, но и многогранностью интересов, и удивительно позитивным взглядом на собственную жизнь, что, согласитесь, не очень свойственно современному русскому человеку. Денис Валерьевич в свои сравнительно молодые лета — ему 33 года — своей жизнью доволен и не жалуется. Возможно, потому что в своё время сделал героическое усилие и полностью изменил свою жизнь. В тот момент, когда она перестала его устраивать.

— Вы как-то сказали: «Нельзя, чтобы другие диктовали сценарий твоей жизни, нельзя подстраиваться под чужие ожидания». Когда вы это поняли?

— Я это понял ещё в подростковом периоде, в то время, когда надо освободиться от родительской опеки. Психологически, разумеется. И до сих пор я освобождаюсь от этого каждый год — от того, чтобы жить чужими желаниями. Ведь очень сложно сказать человеку «нет», когда это хороший друг, но просит о том, чего ты не можешь или не хочешь делать по каким-то причинам. Ты говоришь «да», ломаешь себя, а в итоге обещание дал напрасное, не выполнил, не помог до конца. Есть хороший фильм «Трасса 60», он про это — что нельзя жить чужими ожиданиями.

— Вы становитесь жёстче со временем?

— Да. Пожалуй, это началось со времени развода с первой женой. У нас с ней перестали совпадать жизненные цели. Был вариант жить по сценарию, который мне не нравится, либо... писать собственный сценарий. Я выбрал второе.

— Ваша работа вас устраивает? Вообще, это важно — чтобы работа нравилась, чтобы она была смыслом жизни?

— Мне всегда везло с работой, я никогда не занимался тем, что мне не нравится. И когда на заре туманной юности я работал дворником, я от этого получал удовольствие. И сейчас, когда работаю в адвокатуре, я говорю, что это не работа — это счастье. Мне с начальством всегда везло, с руководителями. Это были толковые вменяемые люди, их можно было понять, даже если у нас не совпадали мнения. Они никогда не действовали по принципу «я хочу, чтобы вы делали именно это». Всегда был диалог. Моя жизнь неразрывно связана с работой. Мне не надо спешить именно к девяти утра в офис, я не жду пятницы, не жду выходных дней, не еду мучительно в пробке, думая: «Была бы она подольше». Учитывая то, что у нас свободный график, это как-то стимулирует трудиться с полной отдачей.

Когда я работал в милиции, с руководством до определённого времени было полное взаимопонимание, чувство, что мы делаем общее, большое, нужное дело. И сейчас то же самое в адвокатуре. Политика, проводимая адвокатской палатой в лице МАЛЫЦЕВА

Сергея Николаевича, президента палаты, мне понятна, она основана на тех принципах, которые мне близки — на честности, корпоративности, профессионализме, на высоких требованиях к адвокату. Это мои жизненные ценности. Я ощущаю себя человеком команды, которая делает правильное дело. В этом смысле я счастливый человек.

— В своё время вы работали оперуполномоченным, а потом ушли из милиции. Почему?

— В какой-то момент времени милиция просто стала другой. Не скажу, что она плохая, прос-

тении ста метров от трупов. Тут дело в том, что существует специфика «откатывания» пальцев у таких покойников, когда эксперт в перчатках надевает на свою руку то, что осталось... В общем, меня затошнило. Потом был второй такой случай. Убили молодую симпатичную девушку, её нашли в квартире с рваными ножевыми ранами на теле. А кошка, хозяйкой которой была эта девушка, оставшись без кормёжки, начала глотать хозяйку...

— Ужас какой!

— Да, а я так живо себе пред-

детям то образование, которое хочется, а не которое «можешь себе позволить».

— Можно сказать, что уход в адвокатуру был переломным моментом в вашей жизни?

— Да, безусловно. Я оказался по другую сторону того же самого процесса. Недавно мне поступило дело, я защищаю человека, которого обвиняют в преступлении, связанном с наркотиками. И следователь говорит мне: «Вы же недавно были за нас...» Я спрашиваю: «Объясните, за кого это «за вас»?» — «За милиционеров». Тогда я задаю ему

вас порекомендовал». Хотя до этого отношения были весьма напряжёнными, в духе того, что «вы жуликов защищаете, вы же видите, что он виноват».

— Я знаю, что вы пишете. Стихи, прозу.

— Да, иногда накатит, хотя не считаю себя настоящим поэтом. Пишу в стол. Это, скорее, для друзей стихи.

Снег пошёл. Пролился дождь. Расцвело всё и завяло От Сибири до Урала. Ты мне тихо повторяла: «Так уже четвёртый год», —

Глядя голову в коленях. На стене ковёр в оленях. Ты мне тихо повторяла: «Хорошо, что не зовёшь».

Хорошо, что ты способен на полгода, до весны приходить ко мне во сны...»

Про семью у Дениса я расспрашивать не стала, просто попросила у него разрешения опубликовать небольшой рассказ. Как раз на эту тему. Семья. В которой он тоже счастлив.

«Знаешь, для чего нужна женщина мужчине? — спросил её как-то.

— Для чего?

— Для того, чтобы о ней не думать. Чтобы заниматься чем-то другим».

Дмитрий Липскеров, «Мясо снегирия».

На свадьбе моего одноклассника должна была быть другая свидетельница и другой свидетель. Свидетельница (вот глупо как звучит на моё профессиональное ухо) не смогла откуда-то там из Германии приехать. Со свидетелем тоже что-то стряслось.

Короче, шафером стал я, а Светлана — подружкой невесты.

И мы как-то сразу поняли, посмотрев друг на друга, что это оно. Ну, вот то самое. Не то чтобы любовь высочила из-за угла и далее по Михаилу Афанасьевичу, а как-то всё спокойно и тихо.

Потом мы год встречались, и я кормил её по утрам котлетами собственного изготовления, и готовил на её день рождения курицу, от вкуса которой млели её подружки (думаю, что они бессовестно врут мне до сих пор; была курица, но ничего особенного).

Потом как-то зимой я раздобыл у брата своего компаньона (заядлого ролевика) одеяние тевтонского рыцаря 18-го или какого там века, с мечом, кольчужой и прочими прибамбасами (в которое, сказать по правде, еле влез). С конём вышла накладка: в то место, куда я хотел, коня пускать отказались напрочь.

Поэтому предложение я делал пешим.

Светлану, не говоря ей об истинной цели поездки, привёз мой друг, а мы с компаньоном в это время мёрзли возле Такмака в ожидании моей прекрасной принцессы, и я проклинал всех тевтонских ролевиков за их худобу — ни поверх кольчуги, ни под неё свитер надеть не получилось.

В общем, на хорошем февральском морозе, практически по пояс в снегу, с букетом роз наперевес я сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться.

За пять лет мы ни разу не повздорили, не «выясняли отношения», не дулись, не били посуду и не кричали.

«—Знаешь, для чего нужна женщина мужчине? — спросил её как-то.

— Для чего?

— Для того, чтобы о ней не думать. Чтобы заниматься чем-то другим».

Напоследок я решила выпендриться и задать Денису Валерьевичу вопрос, который журналист Владимир ПОЗНЕР задаёт в своей передаче. «Что бы вы сказали, представ перед Богом?». Верующий адвокат Солдатов моей выпендрёжности не разделил и ответил просто:

— Есть Иисусова молитва. Я бы, наверное, с неё начал. В ней, собственно, всё...

Елена НИКИТИНСКАЯ

ДОСЬЕ

Денис Валерьевич Солдатов — адвокат, Первая красноярская краевая коллегия адвокатов.

>> Образование: Сибирский юридический институт МВД РФ.

>> Семейное положение: женат, двое детей.

>> Пишет стихи, прозу.

>> Хобби: рыбалка, собаки, хорошие книги.

то стала другой и всё. Скажем так, она коммерциализировалась. Если раньше говорилось об исполнении служебного долга, — я застал ещё эти времена, — то потом стали говорить об исполнении служебных обязанностей. И между этими понятиями — пропасть.

Справедливости ради скажу, что до сих пор в органах внутренних дел остались люди, близкие и понятные мне, которые свой долг исполняют, и это видно буквально по глазам человека. По тому, что он «женат» на своей работе.

Понятно, конечно, что каждое следующее поколение критикует предыдущее, что и деревья раньше были больше, и вода мокрее, но я не то чтобы критикую, я хочу сказать, что структура у милиции поменялась. А я перестал соответствовать и вписываться в эту структуру.

— Что стало последней каплей, если можно так выразиться? Может быть, особенности расследования каких-то дел повлияли на уход из милиции?

— Первый звонок прозвучал, когда мы на Павлова ездили поднимать двух бомжей из подвала. Смерть наступила от того, что людей залило кипятком. Можете себе представить, в каком состоянии они были? Я был уже опытный сотрудник, видел всякое, а тут вдруг стало не по себе. Писал протокол на рассто-

ставил, что вот жила девушка, кормила свою кошку «Вискасом», ласкала её... Это были случаи, которые просто стали индикатором моего состояния. Мы с моим компаньоном, с которым я сейчас работаю, приняли решение и ушли из милиции в никуда. Одно время пытались устроиться на работу... Я, помню, встречал Новый год, охраняя три колеса от трактора «Беларусь», работал сторожем в заброшенной деревне. Всё как-то так совпало — и семейные проблемы, и финансовые трудности, но, тем не менее, мы с ним шаг в никуда сделали вдвоём. Потом стали подбираться к юриспруденции, к адвокатуре. Стали помощниками адвокатов, проработали два года. Потом с первого раза сдали экзамены в адвокатуру, стали адвокатами, открыли свой кабинет. Помню, когда мы открывали кабинет на Предмостной площади, откуда, собственно, и пошло название сегодняшней адвокатской конторы — «Адвокаты на Предмостной», — мы арендовали очень маленький кабинетик. На последние личные сбережения купили мебель, заплатили за аренду, сбросились на ремонт и после открытия офиса у нас остались буквально копейки. Хватило на бутылку пива и каждому по 8 рублей на проезд в маршрутке до своего дома, тогда билет столько стоил.

Пиво мы выпили, праздная открытые собственного дела... Теперь мы с какой-то ностальгией вспоминаем те годы. Сегодня у нас совершенно другой офис, хорошее помещение, предназначенное для работы. Мы вполне обеспеченные люди, по крайней мере, можем дать

вполне резонный вопрос: «А что, разве я сейчас против милиционеров?».

— Ложно понятое чувство долга, корпоративности?

— Может быть. Мы защищали довольно много бывших сотрудников правоохранительных органов, милиционеров, которые обвинялись в совершении тех или иных преступлений. Потому что по-разному жизнь складывается, и, конечно, никому в защите не было отказано. По логике этого следователя — они тоже милиционеры, недавно были по одну сторону баррикад, а мы — по другую. И когда кто-то из следователей начинает рефлексировать по поводу моей деятельности, по поводу того, что я в силу своей профессии проявляю настойчивость, требовательность, принципиальность, я в таком случае говорю: «Вы свою работу хорошо делаете? Доказательства собираете надлежащим образом? Тогда почему вы считаете, что я должен халтурить на своей работе?». Я же не буду вызывать уважение у судьи и у того же следователя, если буду делать свою работу спустя рукава!

И, действительно, факты-то показывают, что чем более профессионально и принципиально ты себя ведёшь в процессе, тем больше уважения это вызывает, даже если не получается доказать тех вещей, которые мне нужны. Даже если, грубо говоря, «пронигрываешь» дело. Бывают случаи, когда следователи, с которыми на стадии предварительного расследования у меня была жёсткая борьба, впоследствии звонят и говорят: «Вы знаете, у меня у знакомых проблема, они ищут адвоката. Я им

Новые слова’2010

Рубрику ведёт доктор филологических наук Т.В. ШМЕЛЁВА, профессор Новгородского университета им. Я. Мудрого

Каждый год вносит в наш лексикон новые единицы. Они или появляются как будто ниоткуда, или всплывают из глубин почти забытого или уже ненужного. Но остаются в нашей памяти с меткой своего года. Что же останется в нашей памяти с меткой «2010»?

Конечно, главное языковое потрясение ушедшего года — выученное всем миром ЭЙ-ЯФЬЯТЛАЙОКУДЛЬ, которое в один выдох не произнесёшь, даже если долго тренироваться. У этого исландского названия вулкана словно появились новые смыслы. Один из них можно сформулировать примерно так: «Как же мала наша планета! Загорчал вулкан на севере Европы, и вся она покрылась пеплом». И как мы все зависим друг от друга, от стихий и прочих метеорологических причуд нашей планеты — напомнил нам вулкан. Думаю, во всей многозначительности это слово вошло во все языки.

Минувшим летом все ощутили, что ПОЖАР и ЖАРА — родственные слова. И они страшны в своей родственности. От ужаса и бессилия перед пожарами, которые стирали с земли целые деревни и подбирались к городам, отчего-то влетело в область всеобщего внимания слово РЫН-ДА. Я сама полезла в словарь и выяснила, что это слово — из морского словаря и означает «трижды ударять в колокол», а происходит из английского выражения ring the bell = звонить в колокол. Может же русский человек приспособить чужое слово!

Ещё одно чужое слово, ставшее совсем своим, — ГРЕЧКА — попало на языки и медийные страницы осенью. А казалось, про дефицит продуктов мы будем рассказывать недоверчивым детям. Чуждость его, не ощущаемая уже многими поколениями русских людей, напоминает, что появилась эта крупа из Византии, как тогда говорили — «из грек». И произошло это, как уверяют специалисты, уже в десятом веке (не отметили тысячелетие гречки на Руси). Кстати сказать, оттуда же — из Византии — пришли к нам и капуста, и свёкла, но они не хранят память об этом в своём названии. Только гречиха. Да ещё гречкий орех...

Во времена гречневого кризиса забавно было читать переводы зарубежных статей о том, что русские едят очень много гречки и без неё страдают. Конечно, много, если в Европе её вообще нет. Как-то обходятся. И называют её там арабским зерном — от кого получили... А наши знания о гречке увеличились: мы узнали, сколько тонн её выращивают в стране и где. Раскрыта тайна стратегических плантаций гречихи на Алтае. Это значит, что значение слова обогатилось, и оно укрепилось в центре нашего лексикона. А уж как потрудились над нею журналисты: *царь-крупа, каша ностальжи, гречневая лихорадка*... Это, как говорится, отдельная песня.

И кто ещё дал им пищу для проявления языковой изобретательности, так это ситуация с мэром Москвы. Отставка Лужкова, ожидание нового градоначальника, которое в газетах именовалось МЭРСКИЕ ГОНКИ, новое назначение — всё это вызвало просто состязания в языковой игре. Вообще говоря, рискованность прилагательного от наименования должности МЭР ощутили давно, как только оно появилось из американского политического словаря, где по большей части слова английского происхождения (президент,

спикер), а это вот — почему-то французского. Выражения *мэрское кресло, мэрские выборы, мэрский сайт* появлялись в газетах едва ли не любого города, где проходили выборы. В оппозиционных, разумеется, газетах или сайтах.

Но теперь игра пошла крупнее — она строилась на том, что слово МЭР сближали со словами МЕРА и МИР. В первом случае появлялись заголовки МЕРА ДЛЯ МЭРА, но чаще — такие, где сближение оставалось за кадром: СЕМЬ РАЗ ОТМЭРЬ; МЭРЫ ПРИНЯТЫ; БЛАГИЕ НАМЭРЕНИЯ; БЕЗМЭРНО. Последнее словечко особенно понравилось и во фразе «МОСКВА, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ БЕЗМЭРНО» вошло в название серии анекдотов на эту тему, которую не преминул отразить Интернет. Сближение со словом МИР породило заголовки типа ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА МЭРА; НИ МЭРА, НИ ВОЙНЫ; МЭРУ — МЭР; МЭРОПОМАЗАННИК; УМЭРОТВОРЕНИЕ В СТОЛИЦЕ; С ДУМОЙ О МЭРЕ.

Такой словесной игре предавались не только газеты типа «Московского комсомольца», съевшие на этих приёмчиках не одну собаку, но и вполне респектабельные «Известия». Просто эпидемия параномазии (так называется этот стилистический приём сближения далёких

по значению слов для высечения нужных смысловых искр). Вот заголовок ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА МЭРА отсылает нас к знаменитой латинской фразе, которую произносят во время возведения Папы Римского на престол, сжигая перед ним кусок ткани в знак призрачности земного могущества — эти намёки на «мировое могущество» создают эффект иронии. Так же, как и намеки на монархические ритуалы в заголовке МЭРОПОМАЗАННИК.

Эпидемия распространилась и на фамилии фигурантов. Шутку «Лужники теперь переименуют в Собяники» воспринимаю как реакцию на суету с зачистками всего лужковского — вплоть до памятника Петру. Надо сказать, что Собянину тоже досталось: в игру были включены разные его биографические факты. Чего только стоит заголовок одной статьи о нём — КРЕАТУНДРА.

Короче, лексикон интеллигентного человека в ушедшем году не только пополнился неслыханными словами, но и получил заряд словотворческой энергии — что можно делать с одним только словом мэр... Пусть наше впечатление от года не будет мэрским!

БОЛЬШОЙ МИР

Человек на доске

Максим ГЛАЗУНОВ — живая легенда красноярской журналистики. Известный политехнолог. Популярный красноярский Интернет-персонаж. А в 2009-м Глазунов, что называется, исчез с радаров. Уволился с работы и пропал. Одни говорили, что он бросил всё и уехал на Байкал. «Не, он в Венесуэлу подался!» — со знанием дела утверждали другие. А потом в Интернете появился его блог и в нём — увлекательные рассказы Максима о жизни в египетском Дахабе. Вдали от цивилизации, от родного Красноярска, от престижной работы и хорошей зарплаты. От политики и журналистики. «Дауншифтинг!» — закивали знатоки.

В 2010-м Максим Глазунов вернулся в Красноярск. И сейчас вновь занимается журналистикой. Самое время спросить: «Что это было, Макс?»

— Тогда был разгар финансового кризиса. У многих были трудности с работой. Я тоже долго не мог куда-то устроиться. И всё это время, встречаясь с друзьями и знакомыми, слышал практически одно и то же: все жаловались, что работать им теперь приходится намного больше, а получают они при этом намного меньше. И денег ни на что не хватает! Только на еду. При таком раскладе работать на унитаз — именно туда, в конечном счёте, и уходит всё заработанное.

Я устроился главным редактором на популярный красноярский сайт. Поначалу зарплата была одна. Потом другая — меньше. Работы же становилось больше, потому что взять дополнительных людей не получалось, и я пахал с утра до вечера. Приходил домой и падал замертво от усталости. Через некоторое время понял, что никакого смысла в этом нет — не живёшь практически.

У меня и раньше были всякие мечты — уехать на Байкал, купить какой-нибудь деревенский домик, там, куда ещё не добрались туристы и не задрали цены. Жена моя, кстати, меня в этом полностью поддерживала. Она родом из Иркутска, по профессии — дизайнер интерьеров. Ей нравилась мысль — купить козу и жить в деревне; рисовать картины, работать со стеклом, вместо того, чтобы делать интерьеры для богатых дур. И вот весной 2009-го я подумал: а уйду-ка я

на лето в отпуск за свой счёт... Мы к тому времени жили вместе уже пять лет и устроили себе свадебное путешествие в Венесуэлу. А оттуда поехали на Байкал. На всё лето.

— И ты там катался на виндсёрфе...

— Да!

—... потому что ты самый ярый фанат виндсёрфинга в Красноярске, которого я знаю. Вот, кстати, объясни мне: почему именно виндсёрфинг, а не просто сёрфинг?

— Виндсёрфинг — это доска с парусом. Занимался я им во многих странах мира. Ведь для виндсёрфинга очень важно, чтобы дуло. Поэтому виндсёрфер в поисках хорошего ветра вынужден мотаться по миру — из одного региона в другой. И именно поэтому я оказался в Дахабе. Потому что там дёшево, тепло и дует! Причём почти круглый год.

А сёрфинг ещё более привлекателен. Если для виндсёрфера нужно, чтобы просто дуло, то для человека с обычной доской обязательно нужна хорошая волна. Это удовольствие встречается куда реже. На Байкале, например, обычному сёрферу дельта нечего. И даже на море. Ему нужен океан.

— И когда лето на Байкале закончилось...

— ... мы вернулись в Красно-

ярск. Пребывание на Байкале хорошенько прочистило мне мозги. Я начал понимать, что вся эта городская цивилизация, потребительское общество — огромный соблазн, манок, который заставляет тебя выкладываться до изнеможения. А в результате ты практически не получаешь ничего ценного. Большая часть того, на что мы тратим заработанные деньги, нам на самом деле совершенно не нужно. Без этого вполне можно и нужно жить.

В общем, если раньше были просто досужие мечты и мысли типа «а что, если...», то после возвращения с Байкала у нас с женой созрело твёрдое решение — надо уезжать! И мы выбрали египетский город Дахаб на побережье Красного моря. О причинах я уже сказал: тепло, дёшево, дует.

— И как же практически ты осуществил свою мечту?

— Продал машину. Плюс у нас с женой были кое-какие накопления. Мы сдали нашу двухкомнатную квартиру в центре. И с чистой душой уехали.

— Этих денег вам хватало?

— В Дахабе мы на всё — аренда дома, еда, связь, прочие бытовые расходы — тратили где-то долларов 700. В Красноярске в месяц нам необходим бюджет в два-два с половиной раза больше. При этом практически мы в Дахабе себе ни в чём не отказы-

вали. Я там даже мотоцикл себе купил китайский — не скутер, а настоящий чоппер.

Тут надо добавить, что настоящему сёрферу много и не надо. В Дахабе сёрфер, у которого есть пара шорт — одни для катания, другие «на выход» — уже считается богачом. Я не шучу.

— В Дахабе этом, видно, какая-то своя особая субкультура. Дауншифтеры.

— Знаешь, на самом деле никакого дауншифтинга не существует. Люди, которые живут в Москве, работают в офисах, придумали такой термин, навесили ярлык на людей, которые бросают работу, выгодные дела и уезжают в тёплые страны на какое-то время. Слово стало модным, его подхватила пресса и начала изучать «явление».

На самом деле никакого дауншифтинга не существует, потому что у всех уехавших — разные мотивы и разный формат отъезда. Многие едут, как мы, — зимуют в тёплых странах. Кто-то — сёрферы, дайверы — работают там инструментами.

Есть обеспеченные люди, которые отправляют своих жён с детьми на четыре месяца в Дахаб пожить. Они покупают недвижимость по бешеным ценам, и после их приезда взлетают цены — потому что они скупают первую линию, не торгуясь. Берут в аренду всё самое лучшее, что есть там. Им удобно — жена

живёт у моря с ребёнком, питается витаминами, принимает солнечные ванны, а муж дома зарабатывает деньги.

А третий формат — это люди, которые уехали туда навсегда. Работают там. Для них Россия — место, куда надо приехать иногда, посмотреть на папу с мамой и вернуться.

Есть бесконечное количество форматов. Для меня этот отъезд — просто попытка повысить количество степеней свободы. Я не хочу жить в одном месте. Не хочу работать в офисе с утра до вечера. Хочу чередовать работу и отдых. Впрочем, это нельзя даже назвать отдыхом. Это просто другая жизнь. Вот есть работа ради денег — в системе, в цивилизации. А есть другая жизнь.

Когда ты понимаешь, сколько в мире людей, которые живут не так, как ты, чей образ жизни радикально отличается от твоего, когда ты понимаешь, кто такие бедуины, какие у них ценности, насколько они отличаются от тех, к которым ты привык, — от всего этого реально картина мира меняется.

— Как будто вырвался из Матрицы...

— Да, что-то в этом роде.

— Ты, я так понимаю, плотно общался там с представителями всех этих разных форматов.

— На самом деле нет. Сначала, да, пытался. А потом понял, что вся эта местная русскоязычная тусовка, сложившаяся там за много лет, полностью замкнута на себя и переполнена негативными эмоциями. Грубо говоря, это пауки в банке. Поэтому очень скоро я на всяческое общение с соотечественниками в Дахабе забил и просто-напросто жил в своё удовольствие. Благо Дахаб для этого предоставляет все возможности!

— Однако весной 2010 года ты вернулся в Россию.

— Да. Мне элементарно стало скучно. Больше полугода, как оказалось, эту беззаботную жизнь я вынести не могу.

Моя цель — жить максимально свободно и независимо. Постоянно меняться самому и менять обстановку вокруг себя.

Практически это значит, что вот сейчас мы с тобой сидим в редакции красноярского глянцевого журнала, который я, скажем так, помогаю выпускать команде молодых журналистов. А завтра, быть может, я снова рвану в Дахаб. На полгода. Или на пару месяцев. Или во Вьетнам. Пойми, главное — быть свободным! Не привязываться намертво ни к чему. Иметь возможность изменить свою жизнь в любой момент.

В этом ведь вся идея того, что ты привычно называешь «дауншифтингом» — жить в своё удовольствие и быть свободным.

Сергей СЕМЁНОВ

Дотянуться до звезды

«...И тогда я нашел её — небольшую круглую площадь, окружённую высотными домами. Низко повисшее закатное солнце искрилось оранжевыми лучами. Возникло ощущение полёта. Я понял — это оно: горячее, живое, подвластное переменам место. В центре площадки находился огромный круг. И мне показалось — понимаете, на минуту показалось,— что именно здесь можно коснуться солнца...»

Дмитрий Олегович ШАВЛЫГИН — скульптор, доцент кафедры рисунка, живописи и скульптуры Института архитектуры и дизайна СФУ иллюстрирует свою мысль визуальным рядом — фотографиями, мелькающими на экране ноутбука. Возникают зафиксированные на фото этапы становления произведения паблик арта — искусства, ориентированного на интеллектуальную игру со зрителем и подразумевающего коммуникацию с городским пространством. Воображаемый амфитеатр в центре города: стулья, расставленные полукругом; эти же стулья, но уже с прикреплёнными к ним крыльями из белой бумаги; лестница-стремянка, установленная в определённой точке — так, чтобы закатное солнце, проходящее по своему ежевечернему маршруту, «касалось» сфокусированным потоком лучей её вершины. Удивлённые взгляды прохожих, одновременно понимающих и не понимающих, что происходит. Зрители, сидящие на крылатых стульях и наблюдающие, как человек, поднимаясь по лестнице, растворяется в солнечном свете.

Этот проект был реализован за считанные дни в рамках международного семинара-практикума для художников, архитекторов, дизайнеров и студентов, проведённого в Новосибирске немецкой художницей Ульрике МОР. Мастер-класс строился вокруг концепции «горячих и холодных мест» — агрегатных состояний города. Такие точки в городской среде формируются непосредственной деятельностью человека. Холодными являются места, облик которых давно сформирован и застыл во времени, их агрегатное состояние — твёрдое. Горячие же места сопровождаются бурлящей деятельностью людей, облик их меняется, они находятся в жидком агрегатном состоянии.

А суть любой идеи меняется в зависимости от реализации, то есть может как испариться, так и стать жидкообразной субстанцией, готовой совершить интервенцию в горячее пространство. Поэтому привлекательность

горячих мест в том, что они являются полем для воплощения художественных замыслов.

Идея художественной интервенции приобретает популярность в современных городах, особенно европейских, где очень сложно найти свободный участок земли. Художественному произведению в традиционном понимании буквально некуда «втиснуться». Поэтому так популярно у современных художников стремление концептуально преобразовать некий фрагмент мегаполиса, затратив минимальное количество времени и материальных средств. Дмитрий Шавлыгин поясняет:

«Это может быть трансплантация растений, размещение репродукций картин известных художников на бигбордах, установка интерактивных скульптур, неких арт-объектов: например, белого куба, на плоскостях которого каждый прохожий стоящими тут же красками может изобразить нечто, отражающее его психологическое состояние. Или, скажем, размещение личных вещей — колец, украшений на деревьях, подлежащих вырубке, чтобы «околыцевать» — выкупить их жизнь хотя бы на какое-то время...».

Проведение художественных акций подобного рода возможно

и даже необходимо в Красноярске. По мнению скульптора-педагога, Институт архитектуры и дизайна СФУ может стать своего рода творческой лабораторией, где студенты будут разрабатывать собственные стратегии художественной интервенции. «Ранее, работая со студентами, мы скорее отталкивались от абстрактных, не связанных с энергетикой конкретного места идей. Суть нового подхода — вживание автора в конкретную среду, желание услышать и понять вибрацию места. Эта медитация сама должна подсказать реализацию его потенциальной энергетики. Такой подход к ис-

полнению скульптурных композиций в архитектурной среде я хочу применить в дальнейшей работе со студентами».

Этот способ воплощения художественной идеи максимально действенен, в том числе, за счёт своей «демократичности»: искусство запросто приходит в повседневную жизнь города, внедряется в самые, казалось бы, банальные, привычные пространства. Вовлекает зрителя в игру. Меняет буквально. Оставить красочный отпечаток своей ладони, покрытой уникальными меридианами линий, на белой поверхности куба: следов таких будет — сотни. Сохранить жизнь деревьям, видевшим тебя спешащим в школу. Смотреть на Мону Лизу, простаивая в пробке где-то в центре города...

Красноярск как интенсивно развивающийся культурный и деловой центр имеет массу так называемых горячих мест. Взять, к примеру, любой крупный торговый комплекс, новые перспективные микрорайоны, ожидающие не только обыденных сюжетов благоустройства, но и желающих обладать своим собственным неповторимым микромиром.

«Под впечатлением от семинара, я начал искать «горячие» места в Красноярске, — рассказывает Дмитрий Олегович. — Недавно, стоя в «пробке» в районе «Космоса», обратил внимание на новый надземный переход, имеющий две монументальные башни по сторонам дороги, которые архитектурно не завершены. У меня родилась идея объединить эти башни единым художественным решением — композицией «Воздушный поцелуй», где влюблённые, стоящие на этих башнях, передают его друг другу».

Ещё одним «горячим» местом является кампус СФУ. Художники, архитекторы, скульпторы чувствуют энергетику этого «горячего» места, которое даёт возможность воплотить множество творческих идей на энергетически мощном поле университета.

Встреча подходит к концу, а Дмитрий Олегович объясняет суть своей новосибирской инсталляции. Стоят стулья. Можно сидеть на них очень долго — вести возвышенные беседы, чувствовать себя умными и значимыми, но... не меняться. И ничего вокруг не меняется, соответственно.

Но вот в центре площадки, окружённой со всех сторон «окрылёнными» стульями, — лестница. И закат разгорается все ярче. Солнце висит низко-низко, над самым горизонтом. Наступает такой миг, когда ты вдруг понимаешь — нужно сделать шаг, уставить ногу на нижнюю ступень. Подняться. Протянуть руку. Коснуться солнца. Подняться к своей звезде!

Татьяна МОРДВИНОВА

МАЛЫЙ ЖАНР

Воробьиный скок

Автор рассказа — гуманитарий до мозга костей, закончила механический факультет Красноярского политехнического. Больше десяти лет преподавала начертательную геометрию и черчение, но в конце концов артистическая натура взяла своё, и Людмила Петровна Абрамова стала художественным руководителем института. Сегодня она — начальник отдела корпоративного развития управления кадров СФУ и руководитель университетской телестудии «Контур», программы и фильмы которой (о жизни вуза, о науке и учёных, о Сибири и сибиряках) в течение 10 лет выходили на «Прима-ТВ». Она любит тайгу и горы, снежную зиму и запахи трав, Пушкина и Губермана, импрессионистов и море. А ещё — книги, которые и читает, и пишет...

Это было необычное воскресенье. Я ночевала у бабушки и проснулась поздно. Сквозь хмурое декабрьское утро, щедро одобренное дымом от котельной, пробивалось солнце — белый лохматый шар, смутно определяемый на сером стынущем небе. Ставлен на окнах не было, жалюзи тогда не было и в помине, простенькие тюлевые шторы были скорее защитой от любопытных глаз, чем от света, потому времена суток абсолютно совпадали с порядком жизни. Сейчас, повторю, был декабрь, значит, вставали, когда сумеречный свет только-только начинал гасить звёзды. Вот и сегодня бабушка поднялась раньше всех и, коротко помолвившись, завела тесто, хлопотала над начинкой, почти неслышно передвигая посуду, подбрасывая дрова в печь. Она что-то тихонько говорила сама с собой, и от этого журчанья и ворчанья было так спокойно и счастливо, что не хотелось открывать глаза.

Тепло от печки уже поползло в комнату вместе с сердитым бульканьем морковки и подпрыгиваньем яиц в кипящей воде, шипеньем тушившейся

капусты и неповторимым запахом начинающей развариваться картошки. Блаженная улыбка не только сияла на моём лице, она заполняла всё моё сердце, весь организм, отчего даже покалывало кончики пальцев. Открывать глаза категорически не хотелось! Бабушка уже несколько раз подходила к моей кровати и, наверное, даже забеспокоилась, почему это я, обычно ранняя пташка, сегодня сплю так долго. Я не хотела её расстраивать, но и не хотела расставаться со своим счастьем! Вернее, даже с несколькими счастьями: не так уж часто меня отпускали к бабушке с ночевой, не надо рано вставать — выходной день; и ожидался пышный пирожки, к стряпне которых привлекали и меня! Но самое главное — ожидалось море любви и покоя, которого дома у меня не было. Нет, конечно, меня дома любили — у кого повернётся душа не любить единственную дочь! Но эта любовь так глубоко пряталась под маминой строгостью, и так утомительно было заслуживать её отличными оценками и исполнением домашней работы, что когда она проявлялась, то слегка пугала

и заставляла внутренне съёжиться. Отец был мягче характером, но чувства лишний раз проявлять остерегался, разве когда моего любимого кота Васюку принесёт утром ко мне, да и то, если мама не видит! С бабушкой всё было проще и естественней: я была любимой внучкой.

Бабушка зашла в комнату в очередной раз, присела осторожно на краешек кровати, потрогала лоб, убедилась, что всё в порядке, и потрепала меня по щеке:

— Вставай, проспичь всё царствие небесное!

— А я давно уже не сплю, только понежусь немного и встану.

— Давай-давай, сегодня непростой день!

Я постаралась вспомнить, не именинник ли кто, но нет, и праздников вроде нет. Предвкушая что-то интересное, прислонилась к тёплой руке: Расскажи!

— Про сегодняшний день говорят: солнце — на лето, зима — на мороз!

— А почему так говорят?

— Потому что день сегодня прибыл на воробьиный скок!

— Бабушка, как же это «на воробьиный скок»? Разве можно измерить скок?

— Может, и нельзя, да только день прибыл, солнышко сперва раньше начало вставать, потом будет позже ложиться. Так до самого длинного дня. А потом опять день начнёт убывать.

— Бабушка, а откуда воробей знает, что надо скакать, чтобы день прибавился?

— Смешная ты, Люсенька, воробей — он же на природе живёт, он про эту природу всё знает. Вот, возьми петуха соседского, он тебе по лету утром спать не даёт, а ведь будильника у него нет! Он сам как будильник. Прокричит, и солнышко встает.

— Так что, без петуха и день не начнётся?

— Начаться-то начнётся, но радости меньше будет! Вставай-давай, тесто уже через края лезет!

...Я уже давно сама бабушка трёх внуков, но каждый год покупаю отрывной календарь, чтобы не пропустить утро, которое начнётся на воробьиный скок раньше.

Людмила АБРАМОВА

Фотопуть

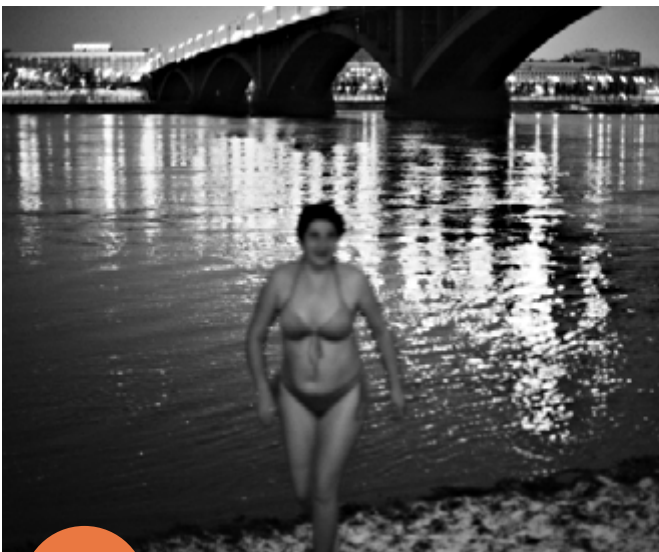
Генри Форд как-то сказал: «Размышления — это самая трудная работа, видимо, поэтому ею занимаются так мало людей». Настоящая фотография — не бездумное нажатие спусковой кнопки затвора, это — размышление. Фотограф Динара ХАФИЗОВА взяла в руки фотокамеру 8 лет назад, и за это время прошла путь от пресс-фотографа в провинциальной газете до мыслящего автора, серьёзно занимающегося фотожурналистикой и андеграундной фотографией. Как время и люди меняют фокус зрения фотографа на окружающую действительность, и как он меняется сам?

Об этом нашему корреспонденту рассказывает сама Динара, комментируя свои фотографии разных творческих этапов.

Фотографией я занимаюсь достаточно долго, но считаю, что вдумчиво и серьёзно начала подходить к ней полтора года назад. В 2008 году я побывала на мастер-классе в Индии у Сергея МАКСИМИШИНА, который открыл мне глаза на то, что существует настоящая фотография, авторская фотожурналистика. В Томске и Красноярске я долгое время занималась пресс-фотографией, которая зачастую служит просто иллюстрацией к событию, у неё нет глубины и содержательности, а мне как раз и захотелось делать серьёзные, вдумчивые, не новостные снимки. Конечно, до этого я была знакома с фотожурналистикой, смотрела работы мировых фотографов, читала о фотографии, которая стремится не только развлекать... Но то был взгляд со стороны. Мастер-класс Сергея Максимишина в Индии был переломным моментом, по-настоящему погрузил в мир авторской фотографии. Я выбрала тему — «Гоа в жёлтом», над которой работала неделю. Удалось почувствовать определённую свободу в работе, т.к. в Индии, в отличие от России, люди легко идут на контакт с фотографом, это очень красочная страна, экзотическая, интересная для фотографирования. Съёмки были важны именно погружением в технологию современной фотожурналистики и осознанием, что мне хочется ею заниматься.

Пресс-фотограф приходит на съёмку как сторонний наблюдатель, часто ни с кем не общается, не сопереживает, а просто делает своё дело и уходит. Журналистские фотоистории создаются немного по-другому, и это я поняла на практике. В 2008 году я работала над серией о 20-й больнице Красноярска, и это для меня был новый этап в плане общения с людьми, потому что я понимала: прежде чем снять искреннюю и интересную фотоисторию, нужно узнать своего героя, почувствовать его ситуацию, научиться сопереживать, разговаривать с ним. Во время съёмки в больнице в травматологию привезли мальчика-сироту Вадима, про которого мне и захотелось снять историю. Потому что я искренне сопереживала ему, вспоминая, как в детстве было невесело лежать в больнице, даже несмотря на то, что меня навещали родители. С Вадимом было непросто общаться, сложная судьба сделала его замкнутым, ранимым, чутким, недоверчивым. Он тяжело переживал боль, перевязки, лечение, по 40 минут мог стоять в углу или лежать под подушкой. Общение с ним при съёмке было важным этапом, я поняла, что фотограф должен быть хорошим психологом, чтобы лучше понимать своих героев и делать искренние фотоистории.

В 2008 году я побывала на летней фотошколе в Санкт-Петербурге, на мастер-классе Игоря ЛЕБЕДЕВА (теоретик и историк фотографии), узнала, что у любой серии должна быть объединяющая мысль, идея, нарратив, и что сегодня работать интереснее с проектами, а не с одиночными кадрами. После я сделала серию на социальную тему в фотостудии. Первоначально идея опиралась на кожаные кресла в квартире моих родителей, которые навели меня на мысли о том, что люди циничны и жестоки, когда используют кожу животных для создания мебели. Думала, что серия будет о людях и окружающей их дорогой мебели, но потом идея трансформировалась, и появилась мысль посадить в дорогие кресла разные интересные пары: молодую женщину со своей дочерью-подростком; женщину — банковского работника и мужчину-автослесаря, которые собирались пожениться; хозяина бутика и его подружку-стриптизёршу из ночного клуба и другие пары. Тема кожаных кресел ушла на второй план, потому что для меня стали важнее люди, которые в них сидели. Делать яркие социальные портреты оказалось интереснее.

«Фотограф должен быть хорошим психологом, чтобы лучше понимать своих героев и делать искренние фотоистории...»

В 2009 году я делала серию об инвалидах. О Георгии ЛОПАТИНЕ, который организовал на собственном энтузиазме Федерацию инвалидного спорта в Сибири, и о его небольшой команде. Отношение нашего государства и общества к инвалидам непростое, формальное, равнодушное, их стараются не замечать. Эта социальная тема кажется мне очень важной. Георгий и его друзья сильно хотели попасть на паралимпийские игры, сами соорудили боб (железное кресло с лыжами) и стали ездить, когда хватало денег на бензин, за 200 км на свою базу — в брошенную деревню.

В те дни, когда я снимала, стояли морозы под -30°C, и лыжи отказывались скользить. Ребята натирали их обычной свечкой и до глубокой ночи тренировались по очереди.

Мне очень нравится эта фотография. Лес на ней зловещий, какая-то зубастая чёрная полоса как преграда, маленькая звёздочка в небе... некая ситуация конфликта, проблемы, которая есть между обществом и людьми с ограниченными возможностями, метафора сложности жизни этих людей.

Для меня важно, что в этом снимке есть моё собственное высказывание о непростой теме, есть мой авторский взгляд с подтекстом.

С конца 2009 года я активно участвую в образовательной программе по фотографии «Сибирский характер». К нам приезжают крупные мастера из Москвы, Санкт-Петербурга, из-за рубежа, и я предпочитаю фотографировать, так как с каждым новым лектором у меня происходят значительные изменения и рост в понимании сложного процесса в современной фотографии. И только после недавнего мастер-класса Томаса ВЕРНЕРА (профессор фотографии из Нью-Йорка, Парсонской школы) у меня появилась первая работа, к которой я стремилась.

Работая по заданию Томаса, я сделала две серии портретов, снимая моржей. В первой, традиционной, всё было по правилам: мои герои находились на переднем плане, снимок был чётким и резким, сразу становилось понятно — чем занимается мой герой, что его окружает.

Вторая серия, которая важна для меня, получилась с другим эффектом! Мои герои были в расфокусе, и, смотря на фотографию, нельзя было сходу её прочесть и понять.

Эксперт Олег СУСЛОВ так прокомментировал эту «размытую» серию: «Что случилось, когда ты просто убрала резкость на героя? Сразу же включился второй уровень восприятия. При разборе произведения всегда есть несколько слоёв. Первый — для массового понимания любого произведения: фильма, картины, фотографии. Второй — уже более сложный, в некоторых произведениях есть третий, четвёртый и больше слоёв. Убрав резкость с главного героя снимка, ты использовала простой, но действенный способ языка современного интеллектуального искусства. Обыкновенный зритель зачастую воспринимает это как брак. Но если зритель всё-таки решается взглянуть в снимок, и у него получается понять его, это и есть выход на второй уровень. Твой приём рождает в голове образы. Вот на берегу Енисея стоит человек, он вроде бы сейчас здесь, а вроде бы — уже теряет реальные очертания, становится чем-то вроде воспоминания... Человек, которого поглощает город».

Для меня в этой серии был важен выход именно на новый уровень в построении изображения, которое заставляло зрителя думать.

**Беседовала
Анна МЕРЗЛЯКОВА**